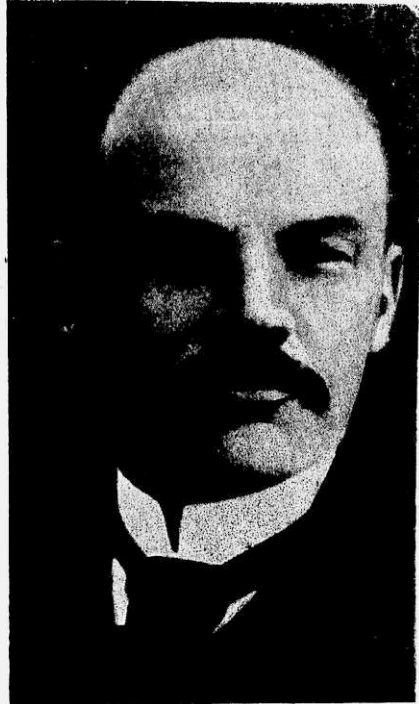

ИНСТИТУТ
МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА
при ЦК ВКП(б)

M $\frac{217}{249}$

Я. ГАНЕЦКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ

О ЛЕНИНЕ

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК / ВКП (б)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

M $\frac{217}{249}$

Я. ГАНЕЦКИЙ

$\frac{801-13}{1763}$

О ЛЕНИНЕ

ОТРЫВКИ
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933

ПРЕДИСЛОВИЕ

Брошюра Я. С. Ганецкого, издаваемая Институтом в связи с предстоящей 10-летней годовщиной смерти Ленина, состоит из его статей и воспоминаний, опубликованных за истекшее десятилетие в различных газетах, сборниках и журналах.

Воспоминания г. Ганецкого рисуют обстановку жизни и работы Ленина в эпоху империалистической войны в Галиции и переезд в Россию и имеют особую ценность тем, что написаны товарищем, близко соприкасавшимся с Лениным в те годы и принимавшим ближайшее участие как в освобождении Владимира Ильича из галицийской тюрьмы, так и в организации его переезда в революционную Россию.

Все воспоминания, входящие в этот сборник, пересмотрены и значительно дополнены автором для настоящего издания.

28 октября 1933 г.

34-6039

2011110402

ГЕНИАЛЬНЫЙ УМ И КРИСТАЛЬНО ЧИСТОЕ СЕРДЦЕ *

О политической и организационно-деятельности Ленина, величайшего, гениального вождя пролетариата, написано много книг и будет написано еще больше.

Литературное наследство Ленина, его статьи и брошюры о политике и тактике борющегося пролетариата, написанные 20—25 лет назад, до сих пор являются руководством в борьбе международного пролетариата. Пролетарская борьба на всех ее этапах, до окончательной победы социализма и построения бесклассового общества в масштабе всего мира, будет вестись под знаменем Ленина, с его лозунгами.

Роль Ленина в определении путей пролетарской борьбы, в разоблачении предательства «рабочих вождей» — защитников буржуазного мира, предавших красное знамя, ясна всякому сознательному рабочему.

Но о Ленине, как человеке, очень мало известно и мало написано. Основной чертой, характеризующей Ленина как личность, было чудесное сочетание гениального ума и чуткого сердца. Всякого, кто видел его хоть один раз, поражала его необыкновенная скромность и простота. Самолюбие и высокомерие были ему органически чужды. Таким он был во времена своей подпольной деятельности, таким остался и после победы пролетарской революции.

Для Ленина существовало лишь дело, за которое он боролся, потому-то он и был так беспощаден в борьбе со своими противниками. Всякая попытка нарушить партийное единство, исказить теорию марксизма, задержать движение пролетариата, встречала со стороны Ленина прямой, решительный и беспощадный отпор. Но даже в борьбе он подкупал противника именно безграничной прямоотой и искренностью.

У товарищей, которым не приходилось повседневно

* Статья печаталась в заграничной прессе в 1924 г.

соприкасаться с Лениным, например работавших в провинции или в армии, было постоянное сильное желание поговорить с ним лично. Обычно Ленин не отказывал в приеме, несмотря на сильную перегрузку работой. Эти черты — преданность, поглощенность работой, скромность и простота — более всего поражали его собеседников. Уменьше по-товарищески разрешить трудный вопрос вместе с собеседником, не пренебрегая опасностей, мобилизовать на борьбу с ними, поддержать советом, ободрить, приводило к тому, что товарищ уходил от Ленина готовым к борьбе, убежденным в победе.

Вспоминаю рассказ одного товарища-рабочего: «Это было в 1920 г. Наше положение на фронте было очень тяжелое. Я решил оставить свой токарный станок, организовать группу добровольцев. Началось хождение взад и вперед, для оформления этой боевой единицы. Один посылал к другому. Я пошел к Ленину. Он тотчас же принял меня. Разговор был лаконичный, деловой. Я широко набросал свой план. Ленин задал несколько кратких вопросов: «Сколько у вас людей? Исключительно ли это коммунисты? Умеют ли они обращаться с оружием?» Когда я дал утвердительный ответ, он тотчас же позвонил по телефону в военком, чтобы нам не чинили препятствий, — и на следующий день нас послали на фронт. Прощаясь со мной, он не изображал положение оптимистически, наоборот, указал на опасности. Он просил меня передать привет товарищам и прибавил: «Многие из вас погибнут, от всего сердца желаю, чтобы большинство вернулось обратно»...

Нельзя писать о Ленине, не помянув о том, как он любил детей. В эмиграции он постоянно возился с детьми товарищей, и все дети как-то особенно горячо любили дядю Володю. После Октября Ленин радостно посещал детские сады. Я помню, как в 1920 г. мы получили в Кремле страшное известие о том, что бандиты напали на автомобиль Ленина, заставили его, сестру его Марию Ильиничну и шофера выйти из автомобиля, а сами умчались на этом же автомобиле. Ленин рассказал об этом происшествии хладнокровно и жалел только о том, что ему не удалось попасть на детский праздник, куда он ехал...

Так же, как детей, он любил природу. Еще в старые

времена езда на велосипеде была его любимым удовольствием. В Швейцарии и Галиции он от времени до времени выкраивал несколько свободных дней и бродил по горам до полного изнеможения.

Ленин очень любил музыку. Редко находил он время для этого наслаждения даже в эмиграции, когда мог больше располагать своим временем. После революции у него для музыки времени не оставалось. Не было поэтому и соответствующего настроения.

В быту Ленин был всегда одинаков: самая скромная квартира, одежда, питание и в старые времена и после революции. Став во главе пролетарской диктатуры в России, Ленин остался таким же строгим к себе, как и раньше. И не потому, что хотел «послужить примером», образцом «аскетизма» (это было чуждо Ленину, как всякая фраза и ханжество). Просто он органически не мог не разделить с рабочими их лишений в годы интервенции, гражданской войны, голода.

Трудно в нескольких словах полно обрисовать Ленина. Сегодня, когда мы его хороним, когда пролетариат всего мира со слезами на глазах клянется продолжать работу по заветам гениального вождя, мы хотим, чтобы не были забыты не только его гениальный ум, но и кристально чистое сердце.

• ЛЕНИН НАКАНУНЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ*

Пражская конференция большевиков в январе 1912 г. окончательно оформила организационную самостоятельность партии большевиков с ее собственным Центральным комитетом во главе с Лениным.

Ленин, проживая тогда в Париже, решил переехать в Галицию, в г. Краков, расположенный на расстоянии 1½ часов езды от русской границы.

Необходимо было быть ближе к русским рабочим, русским партийным организациям. Необходимо установить быструю связь, быстрее должна происходить переписка, быстрее должны доходить инструкции вождя...

О своем решении Ленин сообщил мне, проживавшему тогда в Кракове, с просьбой выяснить, не угрожает ли ему опасность быть выданным в руки царских жандармов. Такая угроза была вполне реальной. Были случаи, когда буржуазное правительство за «соответствующую компенсацию» выдавало департаменту полиции русских эмигрантов-революционеров.

Австро-Венгрия, при деятельном участии Германии, усиленно готовилась к войне с Россией. Австрийские власти не были поэтому заинтересованы в облегчении царскому правительству его борьбы с русскими революционерами. Учтывая это, я был уверен, что Ленин может спокойно переехать в Краков. В беседах с местными политическими деятелями, которые выяснили положение у властей, я убедился в своей правоте и написал об этом Ленину.

2 июля 1912 г. Ленин переехал в Краков. Прожив день-два в гостинице, он 4 июля поселился по улице Звежинец в доме № 218.

Запасшись планом города с окрестностями и русско-польским словарем, Ленин быстро освоился с новой обстановкой. Месяца через полтора после приезда в Кра-

ков Ленин, в одной беседе со мною, как-то заговорил об окрестностях города и о крестьянах ближайших деревень. Много говорил об их жизни, навыках, настроениях. Рассказал об их жалобах на чрезмерные налоги, на дороговизну.

Меня поразила его исключительно правильная характеристика краковских крестьян и живое описание окрестностей Кракова.

Я сказал:

— Владимир Ильич, вы так недавно здесь, откуда вы успели так хорошо узнать здешние окрестности, а главное, так метко характеризовать крестьян?

Ильич, шутя, ответил:

— Это мой секрет... Вы киснете все время в квартире, а я по воскресным дням разезжаю на велосипеде по окрестностям города и знакомлюсь с крестьянством; а здешние окрестности очень красивы и интересны.

Тут он стал описывать окрестности Кракова и рассказывать о своих беседах с крестьянством.

Я все более изумлялся:

— Помилуйте, как это вы с ними ведете беседы, ведь вы не говорите по-польски?

— А это кто вам сказал? У меня словарь — я уже много польских слов знаю. При помощи словаря я читаю польские газеты. В загородные прогулки беру с собой в помощь словарь. Зайду к крестьянину в избу, поздороваюсь, попрошу уступить немного молока — и заведу беседу. Говорю по-польски. Если польских слов нехватает, восполняю немецкими: ведь многие из них саужили в армии, — значит немного изучили немецкий язык. Приходится в разговоре часто прибегать и к жстам... Одним словом, мы превосходно беседуем и друг друга понимаем... Интересный народ здешние крестьяне, не плохой материал. Жалко, что здешняя социал-демократическая партия не обращает на них внимания, не работает среди них. А без мужика нам нигде не обойтись...

Эти свои аусфюги (прогулки) Ленин делал редко, в свободное от занятий время. Основная цель — связаться с партией в России...

Связь скоро была налажена. Генеральный штаб во главе с гениальным начальником действовал великолепно.

* «Правда» № 167, 25 июля 1924 г.

Краков, летом Поронин, стали настоящей ставкой нашей армии. Сюда постоянно съезжались полководцы отдельных наших частей. Бывали члены нашей думской фракции, представители Центрального и местных комитетов, работники профессионального движения, страховых касс и отдельные товарищи. Здесь происходили совещания, конференции. Здесь выковывались мечи для настоящих и будущих боев против врагов пролетариата.

Живая связь с вождем давала великолепные результаты. Приезжающие товарищи выясняли животрепещущие вопросы, получали нужные инструкции, обогащали свои познания и возвращались к работе с усиленной энергией и верой. . . Многие оставались месяц и дольше и пополняли свои теоретические пробелы под руководством вождя. . .

Штаб работал во-всю. Шли указания, инструкции в организации. Посылались статьи для газет. Обработывались речи для думских депутатов по принципиальным вопросам. Каждая статья в «Правде», каждое выступление наших депутатов в Думе, как тараном, били по буржуазно-помещичьей твердыне.

Рабочие массы все более смыкались вокруг большевистского знамени, все больше ощущали свою силу. Выступая организованно, сплоченным фронтом под руководством большевиков, они в своих повседневных стычках со своими противниками, в стачках, одерживали победу. Никакие репрессии, никакие уловки охранки не могли удержать нарастающей революционной волны.

В 1914 г. настроение рабочих масс во всех промышленных центрах напоминало канун 1905 года. Годы затишья прошли, и рабочие энергично стали наступать на капитал. Чувствовалось, что приближается новая, решительная схватка. . . Кто знает, не был ли бы это последний бой рабочих, если бы не разгорелась разбойническая война?

Это настроение должен был признать даже — с позволения сказать — «вождь» Интернационала г. Вандервельде, хорошо известный нашим рабочим по его выступлениям в качестве защитника на эсеровском процессе. Он в 1914 г. был в Питере, бывал на многих рабочих собраниях, в разных рабочих организациях, и не мог не отметить чрезвычайно приподнятого настроения.

Такое настроение рабочих немало смутило этого «революционера». Особенно беспокоило его почти исключительное влияние большевиков среди рабочих. Не менее волновались по этому поводу его идейные друзья, наши меньшевики-ликвидаторы, все более терявшие почву под ногами. . .

Как быть? Как горю пособить? Как отвлечь рабочих от большевиков? Наши меньшевики думали, думали и додумались. Необходимо заставить большевиков. . . объединиться с меньшевиками. . . Пошла работа и вот II Интернационал созвал конференцию русских организаций на предмет их объединения. . . Меньшевики торжествовали. Высшая власть, Интернационал, заставит Ленина подчиниться.

Ильич взбешен. Работы у него по горло, — а тут глупостями приходится заниматься. Он ни на минуту не сомневался, что конференция никаких результатов дать не может. Большевики ни в коем случае не отступят от своей революционной тактики, а этого именно добиваются меньшевики и г. Вандервельде.

Итак, делегацию послать. Но не для того, чтобы сдаваться, а чтобы дать еще одну политическую пощечину меньшевикам. Ильич решил делегацию послать, но ни за что не хотел сам поехать.

Помню, как я его уговаривал лично принять участие в конференции: авторитет его много значит, может повлиять на меньшевиков в смысле перемены тактики. Но Ильич смеялся над моей наивностью. «Если бы меньшевики решились пойти за нами, — говорил Ильич, — то нечего им созывать конференцию. Они желают лишь ругать меня перед Интернационалом. Уж этого удовольствия я им не доставлю. Да и времени жалко, лучше заниматься делом, нежели болтовней». . .

Вскоре я убедился, как прав был Ильич. Конференция началась. Собираются делегаты. Постепенно появляются и товарищи большевики: Инесса Арманд, Владимирский, Попов, и занимают крайнюю левую. Они почти изолированы, но настроение у них бодрое. Я был в делегации польских «розламовцев».

Появляются светила Интернационала: Вандервельде, Гюсмманс, Каутский. Тут — и Плеханов и Роза Люксембург. Все косятся в сторону большевиков, — нет еще

Ленина, очевидно запоздал, появится завтра... Вандервельде произносит «горячую» речь в честь революционного российского пролетариата, указывает на приближающиеся решающие моменты и призывает к единству. В единстве-де сила... Меншевики его поддерживают, жалуется на недисциплинированность большевиков и торжественно изъявляют готовность подчиниться требованию Интернационала об объединении. В таком же духе говорят почти все... Торжественное настроение портят большевики. Они «дерзнули» поспорить с Вандервельде. Сила не в единстве, а в правильной революционной классовой тактике. Сила в правильной линии, а не в единстве разных противоречащих линий. Мы не прочь объединиться с меньшевиками, но при условии, если они безоговорочно признают нашу тактику и подчинятся нашим постановлениям... Подобной «нагаости» не ожидали. Пошла бешеная ругань, чуть не дошло до кулачной расправы. «Да вы безответственные работники и не знаете, что говорите. Где Ленин? Когда он придет? Он должен, наконец, выслушать обвинения перед лицом Интернационала...»

Трудно себе вообразить глупые физиономии господ из II Интернационала, когда большевистские делегаты спокойно заявили, что Ленин занят и на конференцию прибыть не может. Они же выступают от имени Центрального комитета большевистской партии. Пошла ругань. Кто, как мог, старался ругнуть нашего большевистского льва...

Была предложена резолюция, пытающаяся смазать существенные разногласия между большевиками и меньшевиками и этим путем дезориентировать рабочих России.

Большевистские делегаты заявили, что отказываются принять участие в голосовании подобных резолюций.

«Вождь» II Интернационала Вандервельде пытался запугать стойких представителей большевистской партии. Он, между прочим, сказал:

«...Сознают ли те, которые отказываются голосовать за предложенную резолюцию свои поступки? Резолюция ничего не говорит. Моральное значение ее — желания объединения. Знают ли делегаты ЦК, что они делают? Двое судей будут их судить: Венский конгресс»

* В 1915 г. должен был собраться в Вене международный социалистический конгресс. Я. Г.

и русский пролетариат. Знают ли они, какой будет приговор? Можно голосовать за или против резолюции, но воздержание от голосования обозначает издевательство...»

Вандервельде в одном был прав: большевистские делегаты не прочь были поиздеваться над всей собравшейся компанией оппортунистов. Запугивание «вождя» не возымело должного влияния, и делегаты ЦК остались выдержанными до конца...

Это была последняя встреча большевиков со II Интернационалом... Вскоре началась война. И вся гниль и наглая измена этого почтенного учреждения стали очевидными для всех честных революционеров.

Вспыхнувшая война, хотя о ее подготовке столько говорили, сильно подействовала на Ильича.

Он осунулся, мало говорил, — все думая и думая. Он производил анализ нового положения и делал соответствующие выводы. В его голове зарождались новые планы действия. Война, очевидно, будет затяжной и принесет величайшие разорения для трудящихся всех стран. Буржуазия повсюду при помощи социал-предателей выдвинет лозунг объединения всех сил в стране против общего внешнего врага. Необходимо повсюду разоблачить всю гнусность этого «бургфриден». Необходимо объяснить рабочим во всех воюющих странах настоящее значение происходящей войны. Необходимо убедить их, что они должны бороться против этой войны. Никакого объединения с буржуазией, а объединение против буржуазии. Не перемярие с буржуазией по поводу войны, а война войне.

Ильичу все ясно, у него готовы новые планы.

И метался он, как лев в клетке. Находясь в Поронине, в Австрии, в стране воюющей, он не имел возможности

* Июльская конференция 1914 г., созванная Международным бюро II Интернационала в Брюсселе, является прекрасным образцом стойкости и выдержанности партии большевиков. К сожалению, конференция эта не получила еще надлежащего освещения в нашей партийной истории. Между тем, это необходимо для большевистского воспитания не только нашего молодого поколения, но и в меньшей степени для наших братских партий за границей. Писателю эти строки удалось собрать кое-какие материалы, касающиеся этого вопроса. Он будет рад, если ему удастся выполнить свое намерение осветить эту блестящую страницу истории нашей партии в партийной литературе. Я. Г.

работать, действовать... Вскоре он был арестован по нелепому подозрению в шпионаже. Освобожденный после 11-дневного пребывания в тюрьме, Ильич уехал в Швейцарию.

Тут он со свойственной ему железной энергией начал действовать. Восстанавливается связь с Россией. Посылаются точные инструкции и планы работы в новой обстановке. Завязываются отношения с небольшими остатками революционных социал-демократов в других странах, оставшимися верными рабочему классу. Готовится почва для создания нового, III, Интернационала. Малое пока количество его приверженцев не смущает Ильича: *главное — качество их. Ильич всегда придерживался формулы «лучше меньше, да лучше».*

Вскоре, 1 ноября (19 октября) 1914 г., под мощным руководством Ильича возобновляется в Швейцарии Центральный орган РСДРП «Социал-Демократ». Уже в первом номере этой гранитной большевистской скалы намечается тактика рабочих всех стран, тактика, верная и по сей день.

Заявляя, что он пойдет «против течения», «Социал-Демократ» сразу начинает беспощадную борьбу с изменниками рабочего класса — социал-шовинистами. Разоблачаются Каутский, Плеханов и другие. Выясняется крах II Интернационала и необходимость создания нового.

«Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал», — пишет Ленин. «II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от «перебежчиков»... но и от оппортунизма III Интернационал»**.

Разъясняя рабочим всю гнусность шовинизма, которым охвачено большинство социал-демократических партий в Европе, «Социал-Демократ» говорил им о том, что «задачей с.д. каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны»***, и что «превращение современной империалистской

* Сочинения, т. XVII, стр. 66. *Ред.*

** Там же, стр. 71. *Ред.*

*** Там же, стр. 65. *Ред.*

войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг».

Так вел Ильич борьбу в 1914 г. в начале войны и не прерывая ее до самого конца. Под руководством Ильича российские рабочие превратили империалистическую войну в гражданскую и победили свою буржуазию.

Под его руководством был создан III Интернационал, который стал мощным оружием в руках рабочих против мировых империалистических хищников...

* Сочинения, т. XVIII, стр. 66. *Ред.*

ЛЕНИН В ГАЛИЦИЙСКОЙ ТЮРЬМЕ*

Когда вспыхнула в 1914 г. всемирная война, закипело и в отдаленном уголке Галиции, в горной местности Закопанэ** и окрестностях, где жил Ленин. Объявлена была мобилизация. Каждые несколько часов появлялись грозные предписания военных властей. Мобилизованные крестьяне сгонялись в ближайший уездный городок Новый Тарг. Одновременно была организована казенная агитация за войну против «зарвавшегося дикого москаля, угрожающего лишить нас нашей свободы, культуры» и т. п. . .

Ура-патриоты митинговали. Помню один «митинг», на который я пробрался. Выступавшие ораторы — аптекарь, мясник, почтальон, какой-то военный и местный жандарм — произносили пламенные речи в пользу «оборонительной» войны и в защиту «дорогой австро-венгерской монархии».

«Популярно разъясняли» массе разрушительное действие шпионов: «Шпионы — это подосланные нашими врагами темные люди, которые пытаются убивать нас, отравлять наши колодцы. . . Они повсюду появляются, делают снимки наших дорог, наших крепостей. . . Вида они незаметного. . . Они прокрадываются в квартиры через двери, через окна и все выслеживают. Будьте бдительны. Лишь только заметите каких-либо подозрительных лиц, — сейчас же сообщайте. . .»

В течение нескольких дней только и слышно было, что то здесь, то там замечали подкрадывающегося шпиона, но, к сожалению, его не удавалось поймать. . .

Бешеная шовинистическая агитация и привела к аресту Владимира Ильича.

7-го августа. Вечер. Проливной дождь. Настроение угнетенное. Застряли мы в этом захолустьи, от своих

* «Ленинский сборник» II, 1924 г.

** Закопанэ — климатическая станция в Галиции; возле него Поронин. Я. Г.

оторваны, почта уже из России не приходит. Читаешь лишь буржуазную прессу. Она пона ликований, — восхваляет войну, восхваляет бойню.

Вдруг на велосипеде появляется Владимир Ильич. Рассказывает, приблизительно, следующее:

— Только что у меня был обыск. Производил здешний жандармский вахмистр. Приказал утром явиться к поезду и поехать с ним вместе в Новый Тарг* к старосте** . . . Обыск был довольно поверхностный. Дурак всю партийную переписку оставил, а забрал мою рукопись по аграрному вопросу. Статистические таблицы в ней принял за шифр. Хорошо, что переписки не взял. Были там и адреса, и другие конспиративные вещи. А жаль рукописи: не закончена, не затерялась бы. . . Да, в хламе нашел какой-то браунинг, — я не знал даже, что имеется. . . Как думаете, арестуют завтра в Новом Тарге или отпустят?

Положение неважное. . . Война. Глупый жандарм подозревает в шпионаже, — пожалуй арестуют. . .

Краковская полиция хорошо знала Владимира Ильича и не могла сомневаться, что Владимир Ильич даже во время войны останется непримиримым врагом царизма. Что Владимир Ильич может вести агитацию за борьбу против войны в каждом государстве в отдельности, до понимания этого краковская полиция, да и австрийское центральное правительство не созрело. Краковская полиция имела Ленина постоянно на примете и знала, что у Владимира Ильича генеральный штаб российской революции, но что он в австрийские дела не вмешивается, — и была спокойна.

Но это Краков и Вена. Поронин и Новый Тарг — другое. Чиновники здесь уж совсем ограничены. Могут арестовать. Тогда суд и расправа — дело плевое. Мы долго совещались с Владимиром Ильичем и выработали следующий «план действия»: я даю телеграмму в Краков с.-д. депутату д.-ру Мареку, который с властями вел переговоры по поводу приезда Ленина в Краков. Владимир Ильич дал тогда же, 7 августа, следующую телеграмму в дирекцию полиции:

* Новый Тарг — уездный город. Австрийские власти называли его по-немецки — Неймаркт. *Ред.*

** Окружный начальник — губернатор. *Ред.*

«Здесьняя полиция подозревает меня в шпионаже. Живу два года в Кракове, в Звезжинце *, 51, ул. Любомирского. Лично давал сведения комиссару полиции в Звезжинце. Я эмигрант, социал-демократ. Прошу телеграфировать Поронин и старсте Новый Тарг во избежание недоразумений.

Ульянов **.

Кроме того, мы условились, что если Владимир Ильич не возвратится на следующий день из Нового Тарга ближайшим поездом в час дня, то придется энергично действовать, ибо тогда будет очевидно, что он арестован.

Все следующее утро я волновался и с нетерпением ждал прибытия поезда. Приедет или не приедет? Внутренний голос нашептывал второе, и я все больше нервничал.

Утром получил ответ от Марека, что им предприняты соответствующие шаги и что он телеграфировал одновременно старсте в Новый Тарг. Телеграфист, добрый малый, видя мое волнение, сознался мне, что пришла телеграмма от директора полиции к жандарму, и рискнула мне ее показать.

Телеграмма гласила:

«Жандармерия Поронин.

Против Ульянова не имеется здесь ничего предосудительного в области шпионажа.

Краков 7, VIII — 1914 г.»

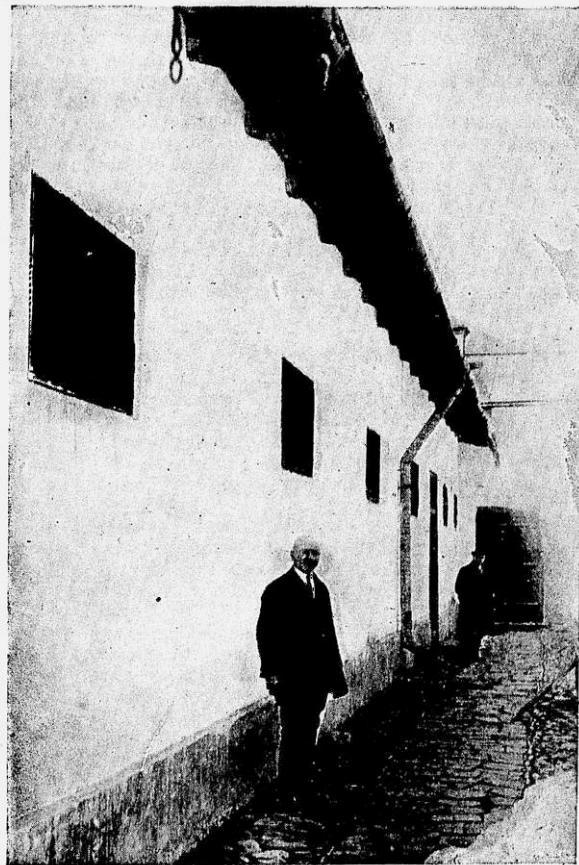
Директор полиции
(подпись).

Эта телеграмма была послана в копии и старсте в Новый Тарг.

Все хорошо, но пока не увижу Ильича, меня ничто не может успокоить. Уже с 12 часов торчу на вокзале. Время медленно твигается вперед. Я раздражен до нельзя. Не могу без отвращения смотреть на довольные

* Р йон Кракова. Я. Г.

** Телеграмму эту, равно и протокол со сведениями, переданными комиссару, о чем шла речь в телеграмме, я разыскал во время моей поездки в Польшу. Документы эти сланы были в Институт В. И. Ленина. Я. Г. («Ленинский сборник» II, стр. 174. *Ред.*)

Тюрьма в Новом Тарге, в которой был заключен Владимир Ильич с 8 по 19 августа 1914 г.

рожи разгуливающих офицеров. Тут появляется и Надежда Константиновна. Как всегда, она внешне спокойна, но я чувствую, что она волнуется не меньше моего. Мы молчим. Наконец медленно подъезжает поезд. Жандарм тут, Ильича нет. Я начинаю успокаивать Надежду Константиновну, говорю о телеграммах, уверяю, что недоразумение скоро выяснится, и Ильич будет освобожден. Я сам не верю собственным словам. Прощаясь с Надеждой Константиновной и заявляю, что сегодня еще попытаюсь добраться в Новый Тарг.

Задача эта не легкая. Поездов больше нет, да и вообще из района деревни без особого разрешения удалиться нельзя. Как быть? Иду к жандарму. Начинаю говорить об Ильиче. Он подтверждает, что Ильич арестован.

— За что? — спрашиваю.

— Заподозрили в шпионаже. Время сейчас весьма серьезное, началась война. Он — русский. Я получил сообщение, что он ходит по окрестным горам и делает снимки с дорог. Кроме того, при обыске я нашел у него целые таблицы цифр, которые, очевидно, являются шифром. Не мое дело разбираться в этом, и я передал Ульянова старосте, который сделает с ним, что будет считать нужным.

Жандармский вахмистр, поехав с Ильичем в Новый Тарг, передал старосте следующее «донесение»:

«От Управления Императорско-Королевской полевой жандармерии № 5, отделение Новый Сонч № 9, пост Поронин № 18.

В Управление Императорско-Королевского окружного начальника в Новом Таргу.

Поронин, 8 августа 1914 г.

С 6 мая 1914 года в волости Бялый Дунаец * в доме Терезы Скупень проживает русский подданный Владимир Ульянов.

Вышеупомянутый Ульянов является литератором и показывает, что из-за политических преступлений вынужден был бежать из России, после чего проживал в Швейцарии, а последние два года пробыл в Кракове и отчасти в Бялом Дунайце, куда уезжал на лето.

* Соседняя с Порониным деревня. На самой ее границе находился дом, в котором проживал Владимир Ильич. Я. Г.

Произведенным расследованием установлено, что вышеупомянутый Ульянов проживал также в предыдущем году в волости Бялый Дунаец, где, согласно сообщения Виктории Була, дочери Франца из Бялого Дунайца, которая в свое время у него служила, у него происходили разные совещания с другими русскими подданными, причем иногда количество их было так велико, что даже сени были переполнены слушателями. С момента объявления мобилизации жители стали с большим вниманием следить за поведением чужих, и начали ходить слухи, что Ульянов должно быть шпион, так как он будто ходит на окрестные возвышенности, делает съемки с дорог и т. п.

Произведенным расследованием установлено, что все это — неправда, ни один свидетель этого не показал, а заявляют лишь, что его видели только гуляющим по возвышенностям*.

Во время производства обыска у вышеназванного Ульянова также не обнаружено ничего, что бы указывало на занятие его шпионажем, установлено лишь, что он поддерживает постоянную корреспонденцию с лицами, проживающими в Петербурге, а также с находящейся там редакцией газеты «Правда», которой будто бы состоит сотрудником.

По циркулирующим слухам он будто бы получал из Петербурга также значительные суммы денег: подтверждение этих слухов может быть получено в почтовом отделении в Поронине.

При обыске у вышеупомянутого Ульянова обнаружено три тетрадки, содержащие различные сопоставления Австрии, Венгрии и Германии, каковые тетради прилагаются к сообщению**.

Ввиду того, что вышеупомянутый, за исключением удостоверения личности, составленного на французском языке, никаких других документов не имеет, а также, что никто не может установить, не является ли его деятельность вредной для государства, так как в настоящее время русские имеют с ним совещания; да-

* Домик, в котором проживал Владимир Ильич, находясь на возвышенном месте. Здесь по временам прогуливался Владимир Ильич. Я. Г.

** Тетради эти, вероятно, были в свое время отправлены в Вену. Я. Г.

лее, ввиду возможных предположений, что Ульянов, поддерживая связи с разными индивидуумами, может также передавать другие детали, касающиеся Австрийского государства, вышеназванный Ульянов препровождается в Управление Императорско-Королевского окружного начальника.

При производстве обыска у него же найден один браунинг, а так как он не имеет разрешения на ношение его, браунинг конфискован и передается в Управление Императорско-Королевского Окружного Начальника.

Матыщук, вахмистр.

С вахмистром Матыщуком нечего было больше разговаривать. Австрийский жандарм точь-в-точь похож на царского. «Ходит по горам и делает съемки с дорог»... Какое стратегическое значение имеют тропинки в горах в заброшенной деревушке? Владимир Ильич часто разгуливал на солнышке перед своим домом. Он гулял, читал книгу и делал в ней пометки. Отсюда легенда о «съемках дорог». Жандармский дурак не в состоянии был также различить статистических таблиц в научной рукописи от шифра. Нет, с ним нечего разговаривать. Староста — человек посерьезнее, поумнее, у него я скорее ликвидирую недоразумение.

— Я в таком случае поеду сейчас к старосте, дайте мне пропуск, — говорю я жандарму.

— За этим надо вам обратиться к войту.

Через час у меня был уже пропуск на руках. Наняты лошади, и я мчусь по направлению в Новый Тарг. По дороге заехал к Надежде Константиновне, чтобы успокоить ее.

Резиденция старосты, как повсюду в уездных городах, на рыночной площади. Нахожу «секретаря».

— Где староста? Мне необходимо немедленно с ним поговорить!

— По какому делу? — получается спокойный ответ.

— Сюда привезли из Поронина некоего Ульянова. Я опасаясь, что его арестуют. Тут крупное недоразумение, и я должен лично со старостой это выяснить.

— Да, действительно, его привезли к нам, и староста посадил его в тюрьму, передав дело в суд. Навряд ли староста вас примет. Он очень занят и... весьма у

нас он нервный. Советую вам не показываться ему на глаза, а то и с вами может случиться неприятность... А вот и староста идет.

В дверях оказался мужчина с необыкновенно глупым лицом, с криком быстро направляющийся через другую дверь в свой кабинет. Не теряя ни секунды, я бегом к нему.

— Господин староста! — успел сказать ему в дверях. Он прихлопнул дверь и закричал:

— Что это за наглость вламываться без разрешения в мой кабинет!

Открываю двери и решительно говорю:

— Господин староста, я пришел по весьма и весьма важному делу, и вы должны меня немедленно выслушать. Вы только что арестовали Ульянова. Вы не отдаёте себе отчета в вашем решении. Вы арестовали известного в мире вождя российской революции. Как такого человека можно заподозрить в шпионаже? Вы должны его немедленно выпустить.

— Как вы смеете делать мне подобные указания?! А вы кто такой?

— Я... гражданин Поронина и являюсь к вам с протестом от всех видных граждан Поронина в Закопанэ. Все мы стыдимся по поводу ареста Ульянова и настаиваем на его освобождении. Как можно видного социал-демократа заподозрить в шпионаже? Нам стало известно, что вы получили телеграмму от директора полиции в Кракове и от депутата парламента Марека... Имя Ульянова, его псевдоним — Ленин — хорошо известны и в Вене. Навряд ли Вена одобрит ваше поведение. Я еще раз советую освободить его, иначе у вас будут неприятности...

Староста как будто растерялся, пригласил меня сесть.

— Телеграммы эти я действительно получил. Как это вы все уже знаете? Но ни директор полиции, ни Марек мне не указка. Сейчас война, я облечен военными полномочиями и должен действовать по-военному. Помилуйте, на следующий день после объявления войны между Австрией и Россией русский подданный делает съемки дорог, и у него находят шифры, — как же его не арестовать? Вы это сами должны одобрить... То, что он социал-демократ — это ничего не значит. Социал-демократы всегда выступают против

монархов и против войны. Сейчас военное время, и надо бы закрыть парламент.

— За кем он сейчас числится? Кто может дать мне какие-либо разъяснения?

— Обратитесь к председателю суда.

Староста оказался не умнее жандармского вахмистра. Иду к председателю уездного суда — тот направляет меня к «члену суда» Пашковскому, которому поручено ведение этого дела.

Через дорогу мне указывают домик, где я могу найти Пашковского. На улице уже темно. Темно и в домике. Только внизу в одном окне виден свет. Замечаю в окне решетки — неужели это канцелярия тюрьмы? Становлюсь на пальцы — и тут замечаю лысину дорогого Ильича, а возле него за столом двух важных субъектов. «Очевидно, допрос», — подумал я.

Стучу в дверь — закрыта, не открывают. Я вторично, познергичнее. Щелкнул замок — высовывается голова.

— Чего вы стучите?

— Здесь судья Пашковский, — у меня к нему весьма

важное дело.

— Он здесь, но сейчас очень занят и вас принять не может. Приходите завтра.

— Я знаю, чем он занят: он допрашивает Ульянова, и именно по этому делу я должен с ним немедленно поговорить. Меня к нему направил староста.

Замок опять щелкнул, и мой незнакомый собеседник удалился. Через 2—3 минуты появился Пашковский. Я ему приблизительно повторил все сказанное старосте, показала телеграмму Марека и просил совета, как действовать. Пашковский оказался приличным человеком, и мы с ним скоро могли договориться.

— Я сразу понял, что дело дутое. Я теперь начал допрашивать г. Ульянова, и этот человек весьма меня заинтересовал. Видно, человек весьма умный, создает впечатление благородного, и никак нельзя его заподозрить в шпионаже. Наш староста такой нервный и раздул дело! Ведь он передал дело одновременно в военный суд. Военные будут решать, и это уже весьма серьезно. Советую вам немедленно поехать в Краков и там энергично действовать.

Судья говорил правду. Староста рапорт жандарма направил в суд со следующей препроводилкой;

№ 35994. Новый Тарг 8/VIII — 1914 г.

Императорско-Королевскому Уездному Суду
В Новом Тарге.

Передается для дальнейшего производства по поводу подозрения в шпионаже с сообщением, что обвиняемый получает значительные суммы денег из России. Как известно, подобная сумма поступила из России в адрес обвиняемого в Поронин и находится в почтовом отделении Поронина для получения. Одновременно уведомляю, что об указанном деле ставлю в известность Императорско-Королевский Генеральный Штаб 1-го Корпуса Краковского Гарнизона, далее, префектуру Императорско-Королевского наместничества в Львове и дирекцию полиции в Кракове и Львове.

Императорско-Королевский
Окружный Начальник Гродзичский.»

Староста в своем усердии послал также в дирекцию полиции следующее отношение:

№ Л. 35997. Новый Тарг дня 8/VIII — 1914 г.
Имп.-Кор. Дирекции Полиции
в Кракове.

Довожу до сведения и доношу, что передал обвиняемого здешнему Имп.-Корол. Уездному Суду для дальнейшего ведения дела, донося об этом одновременно Имп.-Кор. Генеральному Штабу при 1-ом Корпусе в Кракове.

Имп.-Кор. Староста Гродзичский.»

Пашковский обещал мне в тот же вечер закончить допрос и на следующий день послать свое заключение прокурору. Обещал также утром дать свидание с Ильичем Надежде Константиновне. На прощание он обещал мне, что допрос поведет лишь формально, попросит Ильича написать свою биографию.

Мы разговоривали в дверях. Я старался говорить погромче, чтобы Ильич услышал мой голос и узнал, таким образом, что мы «действуем».

Уже поздно вечером возвратился я в Поронин. Первым делом заехал к Надежде Константиновне. Рассказал ей все, просил быть готовой к десяти утра, чтобы ехать на свидание. Сообщил также о моем решении поехать в Краков. Надежда Константиновна спокойно все выслушала. Просила лишь не говорить об аресте бабушке.

Утром в 10 часов мы с Надеждой Константиновной на крестьянской телеге уже въезжали в Новый Тарг. Пашковский сейчас же нас принял и велел вызвать из камеры Владимира Ильича.

Владимир Ильич находился в камере № 5. Накануне в тюрьме принял его тюремный надзиратель Иосиф Глуд. Как полагается, он занес нового клиента в тюремную книгу и записал отобранные у него вещи:

«8/VIII 11 ч. утра, Владимир Ульянов, уроженец России, лет 44, православного вероисповедания, русский эмигрант, 91 крона 99 геллеров*, черные часы, ножик».

Появился Владимир Ильич, взволнованный, но, как всегда, ровный и со своей постоянной спокойной улыбкой. Не знал, на каком языке обратиться к Надежде Константиновне, — судья не понимает по-русски.

— Я буду говорить по-немецки, — заявляет Владимир Ильич Пашковскому, — хотя умею и по-польски. И тут же говорит Надежде Константиновне по-польски: «Jak sie Pani czuje?» (Как вы себя чувствуете, сударыня?)

Пашковский смеется, предлагает Ильичу говорить по-русски. Мы с Пашковским идем в другую комнату, чтобы не мешать...

Ильич сказал нам, что чувствует себя вполне хорошо, много читает, просил прислать целую кучу книг и успокаивал Надежду Константиновну, что скоро будет дома.

Надежда Константиновна ездил к Ильичу каждый день...

Прощаясь с Ильичем, я сказал, что обязательно раздобуду разрешение на поездку в Краков и буду следить за делом. Владимир Ильич сообщил мне, что

* Австрийские деньги. *Ред.*

слышала вчера мой голос, понял, что я нарочно говорил громко; что Пашковский, возвратившись от меня, любезно вел себя...

Как быть с моей поездкой в Краков? В эти дни ездили только поезда для военных. Частным лицам почти не давали разрешения, каковые выдавались за личной подписью корпусного начальника.

Обращаюсь к моему «другу» — старосте. Объясняю ему, что он всю кашу заварил, передав зря дело в военный суд, а потому он должен дать мне записку к корпусному начальнику для получения пропуска.

Не так легко было убедить упрямого дурака. Наконец он согласился, но поставил «условие»:

— Вы, я вижу, человек энергичный, со связями и добьетесь в Кракове освобождения г. Ульянова. Прошу вас очень похлопотать также об одном враче из Варшавы, который также обвинялся в шпионаже, и дело его передано военному суду...

Я торжественно дал обещание, и через несколько минут очутился в моих руках письмо старосты к корпусному с разъяснением, что «по весьма важным и неотложным делам» я должен немедленно поехать в Краков.

Выйдя от старосты, я встретил знакомых, хлопотавших о враче. Они и рассказали мне его несчастную историю. Врач этот (фамилии его не помню) ездил несколько лет подряд из Варшавы в Крыницу (климатическая станция). Желая сэкономить 25 руб. на паспорте, он пользовался паспортом своего знакомого австрийского подданного. Ездил он со своей второй женой. Первая жена, не желавшая дать ему развода, сообщила, что он ездит по чужому паспорту, не зная, очевидно, чем дело кончится... Русский подданный ездил по чужому паспорту — значит шпион, и староста передает дело в военный суд...

Разрешение на поездку в Краков и на право пользования воинским поездом я в тот же день получил и на следующий день поехал в Краков.

В течение двух дней я бродил по всевозможным учреждениям и бесчисленным канцеляриям. Дал также телеграмму старику Адлеру, который об аресте уже знал и предпринял соответствующие шаги. Повсюду получил заверения, что Ильич будет освобожден, но

Тюремная камера, в которой сидел Владимир Ильич.

необходимо провести все формальности, на что понадобится еще несколько дней.

11 августа Надежда Константиновна отправила Виктору Адлеру следующее письмо:

«Уважаемый товарищ! Мой муж, Владимир Ульянов (Ленин) арестован в Поронине (Галиция) по подозрению в шпионаже. Здесь население очень возбуждено и в каждом иностранце видит шпиона. Само собой разумеется, что при обыске ничего не нашли, но тетради со статистическими выписками об аграрном вопросе в Австрии произвели на здешнего жандарма впечатление. Он арестовал моего мужа и препроводил его в Неймаркт. Там его допросили, и нелепость всех подозрений сейчас стала очевидной для гражданских властей, но они не хотели взять на себя ответственности освободить его и все бумаги послали к прокурору в Ней-Зандец; дело это теперь передано военным властям. Может быть прокурор тоже не захочет взять на себя ответственности, и тогда арест может продолжаться несколько недель. Во время войны не будет времени быстро разобрать это дело. Поэтому очень прошу Вас, уважаемый товарищ, помочь моему мужу. Вы знаете его лично; он был, как Вы знаете, долгое время членом Международного бюро и хорошо известен Интернационалу. Я попросила бы Вас отправить настоятельную телеграмму прокурору в Ней-Зандец о том, что вы хорошо знаете моего мужа, и можете подтвердить, что это недоразумение. Попросите также прокурора, в случае, если бумаги уже переданы военным властям, переадресовать им Вашу телеграмму. Телеграмма от Краковской полиции о том, что мой муж не подозревается в шпионаже, получена здешним жандармом, но слишком поздно. После того, как мой муж был отправлен в Неймаркт, там была получена телеграмма и от депутата Рейхсрата, тов. Марека, но не знаю, будет ли это достаточно. Я уверена, что Вы и еще другие австрийские товарищи сделают все возможное, чтобы содействовать освобождению моего мужа.

С партийным приветом

Надежда Ульянова.

Поронин (Галиция).

Р. S. Буду Вам очень благодарна, если Вы мне телеграфируете, отправили ли Вы телеграмму в Ней-Зандец.»

Министерство внутренних дел в Вене 17 августа послало в краковскую полицию следующее сообщение:

«Члены парламента д-р Адлер и д-р Диаманд явились сюда и заявили следующее: Ульянов — решительный противник царизма — посвятил свою жизнь борьбе против русских властей и, если бы он появился в России, с ним поступили бы по всей строгости и, возможно, казнили бы. Он пользуется европейской известностью, благодаря своей борьбе против русского царизма. Д-р Адлер (Вена, VI район, Блюмельд № 1) и д-р Диаманд (Львов, в данное время Вена, XIX район, ул. Бильрота № 18) ручаются, что Ульянов не шпион. Они могут дать о нем исчерпывающие сведения и предлагают свои услуги как сведущие лица.

Статистические работы (цифры и сводки), которые были найдены у Ульянова, относятся, по мнению названных депутатов, к аграрному вопросу, над которым работал Ульянов.

Похоже, что д-р Адлер и д-р Диаманд говорят правду».

В Кракове все власти заверяли меня, что Владимир Ильич скоро будет освобожден, необходимо лишь выполнить формальности.

«Добросовестный» староста не мало причинил хлопот властям. Распоряжения давались по телеграфу и телефону.

19 августа идут из Кракова одна за другой следующие три телеграммы:

I.

В 9 час. 50 мин.

«Окружный Суд

Новый Тарг.

Владимир Ульянов подлежит немедленному освобождению.

Подпись: Военный Прокурор при Имп.-Кор. Военном Командовании.»

II

В 11 час. 10 мин.

«Окружный Суд.

Новый Тарг.

Надлежит сообщить Ульянову Владимиру явиться при проезде через Краков к полковнику Моравскому в здание Корпусного Командования.

Подпись: Военный Прокурор поч Имп.-Кор. Военном Командовании в Кракове.»

III.

В 5 час.

«Окружный Суд

Новый Тарг.

Судебное следствие против Ульянова приостановлено, последний поэтому подлежит полному освобождению, должен лишь сообщить письменно или телеграфно свой адрес в Поронине Полковнику Моравскому, здание Корпусного Командования.

Подпись: Военный Прокурор Ополчения.»

В ответ на последнюю телеграмму послано следующее отношение:

«Имп.-Кор. Военному Прокурору Ополчения
в Кракове.

Настоящим сообщается, что согласно телеграфного предписания Имп.-Кор. Военного Прокурора в Кракове от 19/VIII 1914 года за № 441 Владимир Ульянов 19/VIII 1914 года выпущен на свободу.

Протокол освобождения прилагается при сем.

Адрес Владимира Ульянова — Поронин.

Подпись: Имп.-Кор. Окружный Суд

Новый Тарг.

20/VIII — 1914 г.»

Интересный документ — телефонное сообщение из министерства в полицию, посланное уже после освобождения Владимира Ильича:

«Импер.-Корол.
МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
23/VIII—1914 г.
Дело Ульянова.
№ 3183/14.

В дополнение к сообщению от 17-го августа о русском революционере Ульянове сообщается, что по заявлению депутатов д-ра Адлера и Дашинского (последний пребывает в настоящее время в Кракове и находится по делу польских легионов в постоянном контакте с военными властями) они могут дать сведения об Ульянове.

По мнению д-ра Адлера Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях. Дирекции полиции предлагается также сообщить об этом военному суду, за которым числится Ульянов, и одновременно детально информировать нас об исходе этого дела. Кроме того предлагается дирекции полиции возможно скорее сообщить, за каким военным судом числится Ульянов.»

Бумага получена — идет запрос.

Президиум Имп.-Кор.
ДИРЕКЦИЯ ПОЛИЦИИ
в Кракове.
№ 3183.

В Суд Имп.-Кор. Ополченской Дивизии.

Честь имею просить сообщить мне о состоянии дела Ульянова в настоящее время, так как я должен довести об этом до сведения Имп.-Кор. Министерства Внутренних Дел.

Краков 28. VIII 1914.»

(Подпись).

9 сентября 1914 г. дирекция полиции получает следующий ответ:

«Имп.-Кор. Суд
при
ВОЕННОМ КОМАНДОВАНИИ
в Кракове.
266/14

Ульянов Владимир

9 сентября 1914 г. Информация.

В Имп.-Кор. Президиум Дирекции Полиции
в Кракове

На отношение за № 3183 През. от 28 августа т. г. сообщается, что Имп.-Кор. Военный Комендант в гор. Кракове, как временный Комендант, приказом от 18 августа т. г. велел приостановить дело против Владимира Ульянова за отсутствием оснований для возбуждения судебного следствия.

Вследствие чего последний был освобожден.»

(Подпись.)

Сие отношение было препровождено в министерство внутренних дел дирекцией полиции при следующей бумаге:

«Имп.-Кор. Президиум Министерства Внутренних
Дел в Вене.

В ответ на в свое время полученный телефонный запрос доводится почтительнейше до сведения.

11/IX 1914 г.»

(Подпись.)

У военного прокурора была заведена специальная папка, заготовленная для регистрации.

Вот ее лицевая сторона и внутренняя:

Дело

по обвинению Ульянова Владимира в преступлении по ст. § 321. М. с. I.

№ по порядку.	Число.	Сущность дела.	Предложение прокуратуры.	Решение команданта.	Исход дела.
1	17/VIII	Владимир Ульянов обвиняется в том, что после мобилизации занимался шпионажем.	Согласно устного заявления зд. швей разведки, совершенно исключено, что обвиняемый занимался шпионажем. Предлагаю отказаться от обвинения согласно § 138 и за отсутствием данных для преследования.	Согласен 18/VIII. (Подпись Матушко (неразборчиво)).	Дан телеграфный приказ об освобождении.

Таким образом, 19 августа 1914 г. Владимир Ильич был освобожден.

На другой день после освобождения, 20 августа, Надежда Константиновна и Владимир Ильич отправляют Виктору Адлеру следующее письмо:

«Уважаемый товарищ.

Благодарю Вас и тов. д-ра Диаманда за Вашу любезную помощь и вмешательство в это дело. Мой муж уже свободен: абсурдное недоразумение уже выяснено. Еще раз примите мою благодарность и привет.

Н. Ульянова.

Р. С. С своей стороны шлю также сердечную благодарность и привет.

В. Ульянов (Ленин).

Но Ильич не доверял австрийским властям, как и всякой другой буржуазной власти. Еще будучи в тюрьме, на свидании он говорил мне:

— Недостаточно освободить из тюрьмы. Я здесь ни в коем случае оставаться не могу. Следует во что бы то ни стало добиться разрешения на выезд из Австрии в Швейцарию. Добейтесь разрешения, нельзя оставаться в воюющей стране, никакая работа здесь невозможна.

Опасность угрожала не только со стороны правительства за революционную антивоенную работу. Угрожала она и со стороны темного населения. Надежда Константиновна однажды в разговоре со мною вспоминала, как местные крестьянки, возвращаясь в одно воскресенье из костела, где ксендз на проповеди призывал к «расправе с москалями», говорили между собой вслух о Владимире Ильиче, что когда этого шпиона выпустят, то нужно ему будет глаза выколоть, язык вырезать и т. п.

Ввиду военного времени можно было ехать по железным дорогам лишь по особому разрешению. Удалось получить для Владимира Ильича такое разрешение-удостоверение от старосты в Новом Тарге 26 августа, а в Кракове 28 августа — в дирекции полиции.

«716. Разрешается пользование почтовым поездом.

Имп.-Кор. Пересыльно-станционное
Управление в Неймаркте (подпись)

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Г. Владимир Ульянов с родственниками, 3 лица, имеет право на приобретение места в один конец в поезде жел. дороги по воинскому расписанию от станции Поронин до станции Вена через Краков.

Новый Тарг. Дня 26, VIII 1914.

Староста (подпись).

Наставление. Владелец этого удостоверения, в случае, если не имеет уже особого билета (льготного проезда и т. п.), обязан купить обыкновенный билет того класса, которым предполагает ехать по пассажирскому тарифу с применением скидки, если таковая ему полагается.

Это удостоверение перед отъездом следует предъявить в особую кассу для проставления на нем п. и числа.

Владислав Ульянов с женой Надеждой и тещей имеет право получить 3 места в поезде железной дороги по воинскому расписанию от станции Краков до станции Вена.

Краков. Дня 29/VIII 1914.

Советник Двора и Директор Полиции (подпись).

Наставление. Владелец этого удостоверения, в случае, если не имеет уже особого билета (яготногo проезда и т. п.), обязан купить обыкновенный билет того класса, которым намерен ехать, по пассажирскому тарифу, с применением скидки, если таковая ему полагается.

Это удостоверение следует предъявить перед отъездом в особую кассу для проставления на нем печати и числа.

5 сентября нового стиля Владимир Ильич отправляет Виктору Адлеру открытку из Цюриха следующего содержания:

«Уважаемый товарищ! Благополучно прибыл со всем семейством. Легитимацию (документы) требовали только в Инсбруке и Фельдкирхе. Ваша помощь, таким образом, была для меня очень полезна. Для въезда в Швейцарию требуют паспорта, но меня выпустили без паспорта, когда я назвал Грейлиха. Привет и благодарность.

С партийным приветом

Ленин (В. Ульянов)».

Здесь, в Швейцарии, со свойственной Владимиру Ильичу железной энергией он берется за работу. Старик Адлер вскоре убедился, что Ленин «в создавшемся положении» действительно «оказывает важные услуги». Но не императорско-королевскому правительству Австро-Венгрии или какому-нибудь другому буржуазному правительству, а международному пролетариату. Он собирает по всей Европе незначительные вначале, но искренние революционные элементы и создает Циммервальд, явившийся зародышем Коммунистического Интернационала — нынешней угрозы всему буржуазному миру и его прислужникам — социал-фашистам.

В ПОИСКАХ АРХИВОВ ЛЕНИНА *

Отчет о поездке в Польшу по поручению
Института Ленина

Уезжая из Поронина в Швейцарию в начале войны наскоро, в несколько дней после освобождения из тюрьмы, Владимир Ильич взял с собой самое важное, оставив в Кракове, а главное в Поронине, свои книги, письма, записки, партийные документы и некоторые незаконченные рукописи. Взять их с собой нельзя было и потому, что угрожая в пути и на границе обыск и конфискация «на всякий случай».

Владимир Ильич давно мечтал о том, чтобы раздобыть эти архивы. Так, во время моего полпредства в Риге, я получил от Владимира Ильича следующие две записки:

Первая.

«20 марта 1922 г.

Тов. Ганецкий, т. Крестинский напоминал мне сегодня о Вигилеве ** из Закопанэ. Хочет-де ехать сюда. Нельзя ли в связи с этим (и миром) попытаться — достать мои (и Зиновьева) книги, рукописи из Поронина и Кракова (Ulica Lubomirskiego, 47 i 49 ***). Подумайте и поразузнайте, можно ли, стоит ли пробовать и черкните мне.

Лучшие приветы

Ваш Ленин».

* «Ленинский сборник» II, 1924 г.

** Вигилев — наш товарищ, из-за туберкулеза многие годы проживавший в Закопанэ. Одно время был советским консулом в Варшаве. В настоящее время умер. Я. Г.

*** Улица в Кракове, где проживал Ленин, Я. Г.

Вторая.

«№ 8364.

13 апреля 1922 г.

Тов. Ганецкий, т. Валецкий * сказал мне сегодня, что мои поронинские бумаги и книги попали (как и краковские *Ulica Libomirskiego*) в руки польского правительства: Нельзя ли проверить это. Нельзя ли поговорить с Караханом **, и официально запросить. Там есть одна рукопись не напечатанная (об аграрной статистике 1907 года).

Жму руку.
Ваш Ленин».

«Стоит ли пробовать?» Тогда не стоило. Не зная, кто забрал, что и как, не зная, где забранное находится, нельзя было обращаться к польскому правительству. Несомненно, получился бы приблизительно следующий ответ: «Мы весьма охотно, рады и т. п. . . . но, к глубокому сожалению, ничего нигде не нашли. . .»

Я пытался узнать частным образом, что случилось с вещами. Установить точно было весьма трудно. Хозяева домов относились ко всяким запросам с подозрением и боязнью, — полиция и жандармы за все время неоднократно их беспокоили допросами, обысками. . . Только летом 1923 г. я точно установил, что в 1918 г. жандармы сделали обыск в Поронине на квартире Владимира Ильича, Зиновьева и моей, забрали все наши книги, письма и т. п. Отсюда вещи эти перекочевали в уездный город Новый Тарг. Через некоторое время добычу эту потребовали к себе военные власти в Краков и немного спустя отослали эти вещи в генеральный штаб в Варшаву. Что же касается книг, оставленных в Кракове, сданных упакованными в ящики на хранение дворнику квартиры т. Каменева и лежавших на чердаке, — то они были разграблены во время войны.

После смерти Владимира Ильича мы опять возбудили этот вопрос. На письмо т. Вигилевы был получен лаконический ответ: ничего нельзя сделать.

* Польский партийный товарищ. Я. Г.
** Был тогда подпредом в Польше. Я. Г.

Тогда решено было послать меня для розысков — и я 28 марта 1924 г. отправился в Польшу.

От Института В. И. Ленина я получил мандат для розысков архива с просьбой ко всем научным и общественным учреждениям оказать мне всестороннее содействие.

В Варшаве мандат этот был представлен министру иностранных дел графу Замойскому, который на нашу просьбу выдал следующую бумагу:

«Польская Республика.

МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
№ 1564/24.

Варшава, 1 Апреля 1924.

Министерство Иностранных Дел сим удостоверяет, что Член Коллегии Народного Комиссариата Внешней Торговли Яков Ганецкий делегирован Институтом имени В. И. Ленина при Центральном Комитете Российской Коммунистической Партии с целью отыскать рукописи и архив, оставшиеся после покойного Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянова (Ленина) в Кракове, Поронине и Новом Тарге, где он проживал в 1912 — 1914 годах.

Министерство Иностранных Дел просит все власти, гражданские и военные, оказывать всякое содействие г. Ганецкому при выполнении доверенного ему поручения.

За Министра (подпись *Пржездецкий*).
Полномочный Министр
Директор Кабинета Министра
и Протокольной Части»

Печать.

Графу Замойскому я указал, что по имеющимся самым точным данным поронинские вещи находятся в генеральном штабе. Мы поэтому не сомневаемся, что польское правительство примет все меры к немедленной выдаче мне этих вещей, которые для польского правительства не имеют значения, но которые являются весьма ценными памятниками для всех рабочих и крестьян наших советских республик, и что они будут

помещены в Институт. Граф Замоийский согласился с моими доводами, заявил, что вещи необходимо все передать нам, и обещал немедленно переговорить с военным министром Сикорским. О моем поручении я довел также до сведения председателя кабинета министров Грабского, который также отнесся весьма доброжелательно.

Заручившись такими заверениями, я, не желая терять времени, поехал 6 апреля в Краков, надеясь, между прочим, получить там более точные сведения о вещах в генеральном штабе.

Краковский воевода Коваликовский весьма любезно меня принял, обещая всякое содействие и предписав всем подведомственным органам в Кракове, Новом Тарге и Поронине оказать мне всякую помощь.

В Кракове на помощь мне были приставлены директор полиции д-р Стычень, инспектор по политическим делам Карч и начальник Политического управления краковского воеводства Крупинский. Последний был в старые времена полицейским комиссаром по политическим делам, ему приходилось сталкиваться с Лениным, и он тогда уже был точно осведомлен о деятельности нашего вождя. Кроме названных лиц, мне пришлось заходить к начальнику штаба краковского военного округа, к председателю военно-окружного суда, к прокурору и т. п. Повсюду меня очень хорошо принимали. Появление «советского сановника» производило впечатление. Мои собеседники начинали разговор, сильно волнуясь. С одной стороны, желали воздать надлежащие почести «министру», а с другой — сознавали, что перед ними «большевик». Но после нескольких минут волнение исчезало, и разговор велся дружески.

— Извините, господин министр, — сказала мне один, — так вы такой же человек, как и мы? Я думал, что большевики уже по своему внешнему виду отличаются от обыкновенных смертных. Что же столько ужасного про вас пишут? Я не раз думал, что все это преувеличено...

Во всех учреждениях приходилось долго сидеть... Чиновники рылись в архивах, старых регистрационных книгах, а я за это время беседовал с «начальствующими лицами».

Много говорилось о Владимире Ильиче. Характерно, что все отзывались о нем весьма хорошо.

— Я, — говорил один из видных чинов политической полиции, — еще, в старые времена знал о нем многое. Мы знали хорошо, что он, сидя в Кракове, работает для революции в России.

— Да, — говорит другой мой собеседник, — Ленин был великий идейный человек. Этого нельзя отрицать. Другой вопрос, подготовлено ли уже человечество к восприятию таких великих идей. Но коммунизм когда-либо восторжествует повсюду.

Третий заявляет:

— Ленин — это второй Христос. Как Христос, он посвятил всю свою жизнь для человечества. Мы здесь не знаем хорошо его науки, но все мы его уважаем и почитаем...

Беседы эти характерны сами по себе. Но я с удовольствием вел их не столько для того, чтобы популяризировать среди польских чиновников наш советский строй, а главным образом для того, чтобы их расположить доброжелательно ко мне. Мне это удалось полностью. Я не только со всей точностью установил, что случилось с поронинским архивом, но мне удалось раздобыть из разных архивов интересные документы, которые переданы в Институт.

Документы, касающиеся поронинского архива следующие:

I

СТАРОСТВО
В НОВОМ ТАРГЕ
№ 63761/c

Дня 20 ноября 1918 г.

В Польскую ликвидационную комиссию «Административный отдел»

В Кракове

В Поронине здешнего уезда проживал в течение нескольких лет до войны нынешний властитель России Ленин (Ульянов) со своим товарищем Фирстенбергом* и другими.

* Фамилия тов. Ганецкого. *Ред.*

В занимаемой ими квартире жандармерия нашла целые груды журналов, брошюр, писем, сочинений и т. п. — весом приблизительно в 10 центнеров*, — которые временно оставлены на тамошнем жандармском посту.

Довожу об этом до сведения Ликвидационной Комиссии для дальнейшего постановления.

Комиссар
Пол. Ликв. Комиссии: (подпись)

Начальнику Полиции
в Кракове

Для надлежащего исполнения и донесения о результате.

За Начальника
Административного
Отдела Пол. Ком. Ликв.» (подпись).

Итак, запомним: жандармы в Поронине забрали 10 центнеров.

II

КРАКОВСКОЕ ВОЕВОДСТВО
Отдел президиума
№ 1129

Краков, дня 28 января 1924.

Господину Старосте
В Новом Тарге

Согласно полученных сведений, в Поронине, в вилле «Рыболовка» Павла Гута, в 1918 году находясь сундук с книгами и рукописями ныне покойного Ленина**

Соблаговолите расследовать, находится ли там еще теперь этот сундук, а если нет, то что с ним сделано?
За Воеводу: (подпись)

* Центнер — $\frac{1}{10}$ часть тонны. Ред.

** Воевода путает. Это была моя квартира. Но и у меня осталась часть архива ЦК, которую Владимир Ильич передал мне перед своим отъездом в Швейцарию. Я. Г.

КРАКОВСКОЕ ВОЕВОДСТВО

Отдел президиума

Краков, 28 января 1924.

Начальнику полиции
в Кракове.

Для отчета об имеющихся данных в Департаменте Полиции.

За Воеводу (подпись)

ПРЕЗИДИУМ ДЕПАРТАМЕНТА
ПОЛИЦИИ В КРАКОВЕ

Информационная Агентура.

Вход.

5/II — 24.

Об оставленном Лениным (Владимиром Ульяновым) в Поронине сундуке с книгами и рукописями.»

ОТВЕТ

В ОТДЕЛ ПРЕЗИДИУМА ВОЕВОДСТВА

В Кракове

На отношение от 28/I 1924 № 1129 довожу до сведения, что староство в Новом Тарге отношением от 20/XI 1918 в. 63761/д. известило Административный Отдел Пол. Ликв. Комиссии в Кракове, что в Поронине, в квартире, занимаемой Лениным (Ульяновым), Фирстенбергом и другими, обнаружены целые груды журналов, брошюр, писем, сочинений и т. п., весом в 10 центнеров, которые и были временно оставлены на тамошнем жандармском посту.

Согласно полученных впоследствии сведений, эти бумаги были посланы в Генеральный Штаб в Варшаве.

Краков 6/II 1924

Здесь в письме втором указано, что вещи эти были посланы в Варшаву в Генеральный Штаб.

И, наконец, из третьего документа, самого важного, я узнал, что:

«9 апреля 1921 года особо уполномоченный II отдела генерального штаба в Варшаве капитан Стройка принял под расписку 10 ящиков разных печатных произведений и семь мешков с точной описью содержимого каковая опись также была сдана капитану Стройка».

Итак, установлено документально, что все вещи находятся в Генеральном штабе в Варшаве, установлен их вес и имеется опись. Если имеются злостные шутики, которые желали бы подвести польское правительство и скрыть что-нибудь из архива Владимира Ильича, то сейчас при обнаружении таких данных им это не удастся.

На этом я базировался в моих разговорах на обратном пути в Варшаве с председателем кабинета г. Грабским и министром иностранных дел графом Замоиским. Оба заверяли меня, что вещи будут найдены. Граф Замоиский заявил конкретно, что получил подтверждение от военного министра, что все вещи в сохранности и через несколько дней будут переданы в министерство иностранных дел, откуда мы можем их получить. Министр прибавил, что некоторые сеймовые круги, узнав о моем поручении, предложили потребовать соответствующей компенсации. Но он и Грабский решительно против этого, данное-де дело особенное, нельзя его брать чисто политически; нельзя требовать компенсации за выдачу архива Л е н и н а. Я выразил графу признательность за такой подход, указав, что сама попытка компенсации в этом деле произвела бы весьма удручающее впечатление во всем Советском Союзе. Я прибавил при этом:

— Ведь если бы в России имелись подобного рода документы поляков — великих людей, и Польша желала бы их получить, наше правительство безусловно немедленно передало бы таковые.

На это министр возразил:

— Если бы у вас нашлись документы, касающиеся Адама Мицкевича, вы бы ведь их нам передали...

Другие документы, раздобытые мною, касаются приезда Владимира Ильича в Краков.

ЯВОЧНАЯ КАРТОЧКА	
№ дома 218	Улица Звежинец.
Поселился числа.	4-го июля 1912 г.
Имя, фамилия, возраст, вероисповедание, происхождение.	Владимир Ильич <i>Ульянов</i> 42 года.
Чем занимается.	Литератор.
Место рождения.	Симбирск (Россия).
Какой волости.	Россия.
Откуда прибывает.	Париж (Франция).
Имена и возраст сопутствующих жены и детей.	Жена Надежда <i>Ульянова</i> . Теща Елизавета <i>Крупская</i> .
Какие документы.	Метрическое и брачное свидетельства, паспорт г-жи <i>Ульяновой</i> и г-жи <i>Крупской</i> .
Краков 5 июля 1912 г. Подпись владельца дома: <i>Ии Флорчик.</i>	Подпись нанимающего: <i>Вл. Ульянов.</i>

Карточка эта оригинальна. На ней имеются всякие полицейские заметки.

На обратной стороне ее указано, что 4 сентября Владимир Ильич переехал на улицу Любомирского, № 47, отуда выехал 13 мая 1913 г. (переехал тогда в Поронин).

3-го же ноября 1913 г. поселился на той же улице Любомирского № 51, откуда выехал 9 мая 1914 г. (опять переехал в Поронин).

Ответы на карточке даны на немецком языке. Но они написаны не рукою Владимира Ильича. Подпись также не его. Надежда Константиновна также не заполняла этой карточки.

На основании этой карточки можно точно установить квартиры Владимира Ильича за все время пребывания в Галиции.

Приехал Владимир Ильич в Краков из Парижа 2 июля 1912 г. и два дня жил в гостинице.

С 4 июля 1912 по 4 сентября — по улице Звезинец № 218.

С 4 сентября 1912 по 13 мая 1913 — по улице Любомирского № 47.

С 13 мая 1913 по 3 ноября 1913 — в Поронине (Бялый Дунаец, в доме Терезы Скупень).

С 3 ноября 1913 по 9 мая 1914 — по улице Любомирского № 51.

С 9 мая 1914 по 8 августа — в Поронине, в том же доме Терезы Скупень.

С 8 по 19 августа 1914 г. в тюрьме, в Новом Тарге. Через несколько дней Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной и ее матерью уезжает из Поронина через Краков и Вену в Швейцарию.

Нижеследующий документ составляет протокол допроса Владимира Ильича в полицейском участке (комиссариате) после приезда в Краков. Такому допросу подвергались в Австрии все приезжавшие туда на жительство чужестранцы.

Протокол составлен комиссаром полиции на польском языке, и на оригинале была лишь подпись Владимира Ильича. Оригинал, очевидно, был послан в Вену вместе с делом по обвинению в шпионаже в 1914 г. С трудом удалось разыскать копию.

«Протокол составлен в императорско-королевском комиссариате полиции Пулвы * 15/VII — 1912 г. в целях выяснения личности и происхождения Владимира Ильича Ульянова, проживающего в Звезинце № 218.

* Район Кракова. Я. Г.

Явившись в комиссариат, вышеупомянутый Ульянов показал: зовут меня Владимир Ульянов, сорока двух лет, родился я в городе Симбирске, той же губернии, сын Ильи и Марии, православного вероисповедания, женат, детей не имею, по профессии литератор и журналист, постоянный житель гор. Симбирска, русский подданный. Отец мой умер, был директором народных школ в Симбирске. Мать жива и проживает в Саратове и брат Дмитрий — окружной врач в Крыму. Гимназию окончил в Симбирске. Университет, а именно: юридический факультет — в Петербурге, где сдал докторский экзамен *. В виду того, что я занимался социалистической литературой, так как по убеждениям я социал-демократ, а в России развить свою деятельность в этом направлении я не мог, я уехал в Швейцарию, а затем в Париж, где пробыл 3 года. В настоящее время прибыл в Краков и здесь намерен жить. Состою корреспондентом русской демократической газеты «Правда», издаваемой в Петербурге, и русской газеты, издаваемой в Париже под названием «Социал-Демократ», что и является источником моего существования.

В Галицию я приехал из желания познакомиться с здешними аграрными условиями, так как преимущественно этими вопросами я занимаюсь. Намерен также изучать польский язык. Я женат на Надежде Крупской, которая проживает вместе со мной. Средством к существованию является моя литературная работа. За политические преступления я был в административном порядке сослан в Сибирь. На военной службе, как старший сын в семье, не служил. У меня имеется метрическое свидетельство, выданное православной консисторией в Симбирске 1 февраля 1877 г. (без номера), и воинский билет, выданный военными властями гор. Симбирска 1 сентября 1887 г. № 808, а также диплом доктора прав, выданный Петербургским университетом 14 января 1892 г. Так я показал.

(Подпись) Владимир Ульянов.

На этом протокол закончен и подписан. Доктор Стычень (подпись), комиссар императорско-королевской полиции».

* Очевидно государственный комиссар неправильно записал: в Австрии в университетах были не государственные, а докторские экзамены. Я. Г.

Домовая книга по улице Любомирского № 51, в Кракове, где находилась последняя квартира Владимира Ильича.

Лицевая сторона книги:

«Домовая книга.

№ дома — 51 ул. Любомирского.

Фамилия владельца дома — Людвик Терба.

Фамилия хозяина — Люция Цеханов».

Запись внутри. Третий ряд касается Владимира Ильича:

«Ульянов — Литератор Симбирск из Поро- 3/II — 1913
Россия нина 19 V 14.

Владимир

рим.-катол. 43 года

Елизавета жена».

Хозяева здесь спутали имя Надежды Константиновны с именем ее матери. Перекрестили также Владимира Ильича на рим.-католика.

Дела о Владимире Ильиче с 1918 г. хранились в краковской дирекции полиции уже в новой папке.

Заголовок на лицевой странице красуется следующий:

«ЛЕНИН — ВЛАСТЕЛИН СОВЕТСКОЙ РОССИИ»

Уж слишком заманчива была эта папка. Она поэтому хранится сейчас в Институте.

В папке хранится, между прочим, незначительная печатная вырезка. Я прочел ее и не мог не взять ее «на память» для Института.

Вырезка эта — из статьи в «Напржуд»* от 15 ноября 1918 г. № 263, под заголовком: «Ленин», часть II.

В нем мы читаем.

«... А потому будущее принадлежит знамени Ленина.

Последние телеграммы сообщают, что Ленин разбил наголову Керенского и Корнилова и задушил волнение, начатое в интересах Англии с целью продолжения войны.

Его победа предзнаменует миру торжество идеи мира!
Да здравствует Ленин!»

Как явствует из заметки полиции, слова, набранные курсивом, выкинуты цензурой, вероятно, к большой радости нынешних польских и других социал-изменников.

* «Напржуд» — «вперед» — орган галицийских социал-демократов. Я. Г.

Но мы, к стыду их, повторим их собственные слова:
Будущее принадлежит знамени Ленина!
Да здравствует Ленин!

Перечисленные документы, несомненно, представляют большой интерес. Однако, основное, чего я добивался, — это получить статьи Ленина, его записки, разные письменные документы и т. п. Все это, как указано выше, хранилось в генеральном штабе.

На возвратном пути из Кракова в Варшаву я опять вел переговоры с мининделом графом Замойским и председателем кабинета министров Грабским. Ссылаясь на полученные мною документы, доказывающие, что все забранное в Кракове находится в генеральном штабе, я настаивал на передаче мне всех вещей.

Оба сановника торжественно обещали «сделать все возможное». Им, однако, трудно было... договориться с военными. Я вернулся в Москву и отсюда продолжал действовать.

После усиленной переписки с покойным т. Оболенским, тогдашним полпредом в Польше, и после переговоров с польским послом в Москве г-ном Даровским, я, наконец, получил от последнего в мае 1924 г. часть поронинского архива. Среди полученных документов было свыше 60 автографов Ленина, статьи и письма, а также свыше 50 разных писем к Ленину.

Зная, примерно, точно, что было Лениным оставлено в Пороцине, тем более, что часть документов, особо важных, он перед отъездом передал мне на хранение, я не удовлетворился полученными вещами и продолжал добиваться дальнейшей передачи оставшегося архива.

Переписка с новым полпредом т. Войковым (убитым впоследствии в Варшаве) и переговоры с польским послом имели результат. Мне ответили: «Разыскивают; все, что будет найдено, — будет передано».

Так продолжалось вплоть до текущего года (1933). Улучшение взаимоотношений между СССР и Польшей дало мне возможность опять поставить вопрос о возобновлении поисков поронинского архива.

По предложению ИМЭЛ, в январе месяце 1933 г. я поехал в Варшаву и вел переговоры с мининделом Польши об оставшейся там части ленинского архива.

Мининдел, г-н Бек, обещал всякое содействие и

вскоре заявил, что дано категорическое указание провести энергичные розыски и все найденное передать мне.

В итоге, через месяц я получила «все, что было найдено». Среди переданных вещей было 125 книг из личной библиотеки Ленина, причем на 40 книгах имеются собственноручные пометки Ленина. Большинство этих книг было включено в библиотеку польского генерального штаба, оттуда изъято и передано мне. Кроме того, было свыше 20 разных автографов Ленина. Далее, часть архива довоенной «Правды» и часть архива фракции большевиков в «Думе». Одновременно я съездила в польский город Быдгощ, где в городской библиотеке имелось 12 книг, принадлежащих Ленину, и сделала там около 175 фотоснимков с соответствующих страниц.

Все, однако, указывало на то, что многое еще не возвращено. Перед отъездом из Варшавы, 28 февраля 1933 г., я написал письмо зам. мининдела, в котором указал, что значительная часть документов еще не нашлась. После нескольких моих писем из Москвы я получила сообщение через польского посла, что часть документов опять найдена.

В августе (1933 г.) мне пришлось снова поехать в Варшаву. И на этот раз среди других вещей я получил ряд автографов Ленина. Среди них я, однако, не нашел многих, которые определенно остались в поронинском архиве.

Польские власти и на этот раз обещали продолжать тщательные поиски.

Надеюсь, что обещания эти будут претворены в жизнь. Этого я хочу добиться не только потому, что оставшиеся материалы представляют большую ценность для истории нашей партии.

20 марта 1921 г. Ленин писал мне: «...нельзя ли... попытаться достать мои книги, рукописи из Поронина и Кракова...» Это указание Ленина должно быть выполнено.

Сегодня, к десятилетию смерти любимого вождя, можно отметить, что, несмотря на огромные затруднения, его требование, хотя и с опозданием, но в значительной степени выполнено. Не покладая рук, будем и впредь энергично действовать, чтобы оно было выполнено полностью.

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ *

Когда грянула Февральская революция, я находился в Стокгольме (Швеция). Многие партийцы, пребывавшие тогда за границей, были в тесном контакте с партией, зорко следили за всем происходящим в России и с радостью отмечали, как все больше поднималась революционная волна среди рабочих и крестьян, в том числе и одетых в солдатские шинели.

Мы чувствовали приближающуюся бурю. Никто, однако, не предполагая, что она наступит так внезапно и будет столь убийственна для царизма. Вот раздался первый раскаты. Февраль принес первые сведения о революции. Как всегда в подобных случаях, сведения были неточны, неясны, сбивчивы.

В чьих руках фактически власть? Действительно ли нет больше Николая? Действительно ли не будет больше царей? Кто и как арестовал царских министров? Какие взаимоотношения между Временным правительством и Советом рабочих депутатов?

Не из-за сенсации интересовались мы всеми этими вопросами. Помня уроки революции 1905 г., мы волновались, опасаясь за судьбу новой революции. Партийные органы были загнаны глубоко в подполье, не были достаточно крепки для охвата грянувших событий величайшей важности. Несколько сотен лучших, выдержанных и стойких большевиков томились в ссылке и на каторге и лишь постепенно стали возвращаться в Питер и другие города. Между тем, нельзя было сомневаться, что буржуазия приложит все усилия для того, чтобы захватить власть в свои руки и в соответствующий момент заменить царское иго ярмом «либеральным», «республиканским».

Два-три дня спустя после появления первых сведений, я получил в Стокгольме (Швеция) телеграмму от гг. Пятакова и Коллонтай, находившихся в Христиании

* «Пролетарская революция» № 1 (24), 1924 г.

(Норвегия), с просьбой немедленно к ним приехать для обсуждения создавшегося положения. Мы много судили и рядили. Было решено, что они немедленно поедут в Россию, а я останусь для «связи» с Владимиром Ильичем, проживавшим в Швейцарии. Мы отправили обширную телеграмму Владимиру Ильичу с нашим анализом положения, просили его высказаться и закончили выводом, что считаем его немедленную поездку в Россию необходимой, хотя бы с тем, чтобы временно он жил в Финляндии.

Наша телеграмма была довольно наивна. «Советы» наши были излишни. Вопрос поездки не меньше волновал самого Владимира Ильича. Но как ее осуществить, — вот самое главное. Вначале казалось, что Владимиру Ильичу следует ехать, как и всем эмигрантам, через Англию. Ведь дана амнистия, политические дела ликвидированы, эмигранты приезжают свободно, возвращаются каторжане...

То, что казалось ясным для многих, не всегда удовлетворяло Владимира Ильича. В ответ на нашу телеграмму, а также и на подобные от товарищей из Петрограда, Владимир Ильич 30 марта прислал мне из Цюриха в Стокгольм следующую телеграмму:

«... Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует. Милюков надует. Единственная надежда — пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет Рабочих Депутатов обмена на интернированных немцев. Телеграфируйте. Ульянов»*.

Одновременно с этой телеграммой Владимир Ильич прислал мне обширное письмо. Оно является историческим документом, доказывающим всю гениальность и проницательность великого мирового вождя.

Сообщая о высланной телеграмме, он пишет:

«... Ясно, что приказчик англо-французского империалистского капитала и русский империалист Милюков (и К^о) способны пойти на все, на обман, на предательство, на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость в этом отношении и к Милюкову и к Керенскому (пустому болтуну, агенту русской и империалистской буржуазии по его объективной роли) была бы прямо гу-

* Сочинения, т. XXIX, стр. 350. *Ред.*

бительна для рабочего движения и для нашей партии, граничила бы с изменой интернационализму... Вы можете себе представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время...»*

Ленин, доказывавший с самого начала войны, что она является империалистической, беспощадно разоблачавший лгунов во всех воюющих странах, которые пытались доказать, что война есть «оборонительная», пишет далее в письме:

«... Последние известия зарубежных газет все яснее указывают на то, что правительство при прямой помощи Керенского и благодаря непростительным (выражаясь мягко) колебаниям Чхеидзе, надувает и небезуспешно надувает рабочих, выдавая империалистскую войну за «оборонительную». По телеграмме СПб. Тел. Агентства от 30/III 1917, Чхеидзе вполне дал себя обмануть этому лозунгу, принятому — если верить этому источнику, конечно, вообще ненадежному — и Советом Рабочих Депутатов. Во всяком случае, если даже это известие неверно, все же опасность подобного обмана, несомненно, громадна. Все усилия партии должны быть направлены на борьбу с ним. Наша партия опозорила себя бы навсегда, политически убила бы себя, если бы пошла на такой обман...»**

Его волнует разношерстный состав Петроградского совета, преобладающее большинство в нем социал-патриотов. Поэтому он дает в письме анализ положения, точные решительные указания:

«... Нет сомнения, что в Питерском Совете Рабочих и Сходатских Депутатов многочисленны и даже, видимо, преобладают 1) сторонники Керенского, опаснейшего агента империалистской буржуазии, проводящего империализм, т. е. защиту и оправдание грабительской, завоевательной со стороны России, войны под прикрытием моря звонких фраз и пустых посулов; 2) сторонники Чхеидзе, колеблющегося безбожно в сторону социал-патриотизма и разделяющего всю пошлость, всю нелепость каутскианства. С обоими течениями наша партия обязана бороться самым упорным, самым принципиальным, самым настойчивым, самым

* Сочинения, т. XX, стр. 52. *Ред.*

** Там же, стр. 52-53. *Ред.*

беспощадным образом. И я лично ни на секунду не колеблюсь заявить и заявить печатно, что я предпочту даже немедленный раскол с кем бы то ни было из нашей партии, чем уступки социал-патриотизму Керенского и К^о или социал-пацифизму и каутскианству Чхеидзе и К^о.»

Не менее блестящи его доводы о войне империалистической, о задачах пролетариата. Здесь так же четко развернута программа по национальному вопросу:

«... Война не перестала быть империалистской со стороны России и не может перестать, пока 1) у власти помещики и капиталисты, представители класса буржуазии; 2) пока у власти такие прямые агенты и слуги буржуазии, как Керенский и другие социал-патриоты; 3) пока договоры царизма с англо-французскими империалистами остаются в силе (правительство Гучкова-Миллюкова прямо заявило за границей — не знаю, сделал ли оно это в России, — что оно верно этим договорам). Договоры эти грабительские, о захвате Галиции, Армении, Константинополя и т. д., и т. п.; 4) пока эти договоры не опубликованы и не отменены; 5) пока не порван весь вообще союз России с англо-французскими буржуазными империалистскими правительствами; 6) пока государственная власть в России не перешла от империалистской буржуазии (простые обещания и «пацифистские» заявления, сколь бы ни верили им глупенькие Каутский, Чхеидзе и К^о, не превращают буржуазии в не-буржуазию) в руки пролетариата, который один способен, при условии поддержки его беднейшей частью крестьянства, порвать не на словах, а на деле с интересами капитала, с империалистской политикой, порвать с грабедом других стран, освободить угнетенные великороссамы народы полностью, вывести войска из Армении и Галиции *тотчас* и т. д.; 7) один пролетариат способен, если он избавится от влияния своей национальной буржуазии, внушить истинное доверие пролетариям всех воюющих стран и с ними вступить в переговоры о мире...»

Неоценимым и для нас и для наших братских партий за границей является его указание о том, как следует сложные политические вопросы истолковывать рабочим:

«... Надо очень популярно, очень ясно, без ученых слов излагать рабочим и солдатам, что свергать надо не только Вильгельма, но и королей английского и итальянского. Это во-первых. А второе и главное — свергать надо буржуазные правительства и начать с России, ибо иначе мира получить нельзя. Возможно, что правительство Гучкова-Миллюкова мы не можем сейчас же «свергнуть». Пусть так. Но это не довод за то, чтобы говорить неправду!! Говорить рабочим надо правду. Надо говорить, что правительство Гучкова-Миллюкова и К^о есть империалистское правительство, что рабочие и крестьяне должны с начала (теперь ли или после выборов в Учредительное Собрание, если с ним не надуют народа, не оттянут выборы до после войны; вопрос о моменте отсуда решить нельзя), сначала должны передать всю государственную власть в руки рабочего класса, врага капитала, врага империалистской войны, и лишь тогда они вправе звать к свержению всех королей и всех буржуазных правительств...»

Цитированное письмо, равно как знаменитые его четыре «Письма из далека», аккуратно посылались мною в Петроград. Ленин, еще будучи в Швейцарии, не сомневался в возможности захвата пролетариатом власти и уже в первые дни революции указывал партии пути к грядущему Октябрю.

Временное правительство несомненно с самого начала революции было озабочено стремлением успокоить разбушевавшиеся волны и фактически ликвидировать революцию. Оно, однако, было захвачено врасплох, было недостаточно крепко, а потому не решалось сразу приступить к репрессиям по отношению к своим заклятым врагам — большевикам. Наши товарищи в Питере не замедлили воспользоваться этим. Начавшаяся телеграфная и почтовая переписка с Лениным, происходившая при моем посредстве через Стокгольм, их не удовлетворяла. Этим путем, недостаточно надежным, нельзя было обо всем говорить. Они поэтому сорганизовали связь с Лениным посредством своего большевистского дипломатического курьера.

Первоначально переписка из Стокгольма направлялась

* Сочинения, т. XX, стр. 53-55. Ред.

мною в Петроград, на адреса, указанные сестрой Ленина, Марией Ильиничной Ульяновой. Последняя нашла надежного товарища в лице Стецкевич, которая поехала первым большевистским дипломатическим курьером в Стокгольм.

Ее дипломатический паспорт, дававший возможность провезти запечатанную большевистскую почту, не подлежащую осмотру на границе, был настолько своеобразным, настолько от него веяло революцией, что я его тотчас сфотографировал (зачеркнув для осторожности фамилию курьера) и он в тысячах экземплярах был распространен за границей. Вот текст его:

ТАВРИЧЕСКИЙ ДВОРЕЦ

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Бюро Центрального Комитета просит общественного Градоначальника выдать тов. Стецкевич пропуск на поездку через границу в Торнео и обратно с имуществом партии.

Секретарь Бюро Центрального Комитета:
Елена Стасова.

(Печать Бюро ЦК)

Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов рекомендует удовлетворить просьбу Бюро Центрального Комитета.

Члены Исполнительного Комитета:

*Павлович-Красков
Александр Беленин.*

(Третья подпись не разборчива).

Настоящим удостоверяется, что со стороны Военной Комиссии при Временном правительстве не встречается никаких препятствий к выезду за границу тов. Стецкевич и возвращению ее через Шведскую границу в Россию.

Подписи.

10(23) марта 1917 г. Петроград.

По этому паспорту Стецкевич приезжала к нам несколько раз,

Первые отголоски Февральской революции привели русских буржуа, пребывающих в разных иностранных городах, в телячий восторг. Повсюду они ликования, устраивали бесчисленные банкеты, на которых занимались болтологией и истребляли в изрядном количестве спиртные напитки. Они охотно жертвовали в кассу эмигрантского комитета, созданного для оказания помощи возвращающимся в Россию политическим эмигрантам.

Такой же комитет был создан и в Стокгольме, в него входили представители всевозможных революционных партий и организаций. Слишком доверять этому комитету я не мог. Мне пришлось от него многое скрывать. Я держал в строжайшей тайне план предполагаемого приезда Ленина, так как не сомневался, что через комитет будет информирован и Миллюков. Временное правительство оставило повсюду старых царских послов. Им, естественно, ни капельки нельзя было верить, а наш комитет в Стокгольме находился в большой дружбе с послом...

Но как быть с приездом Владимира Ильича? Его план не так легко было провести. Не так легко было убедить почтенное Временное правительство «помочь» приезду Владимира Ильича, при этом через Германию; что сказала бы на это ее величество Антанта?

Время проходило, а Владимир Ильич все томился в Швейцарии. Да, буквально томился, и эти муки подсказали ему довольно оригинальный план поездки.

Получаю вдруг телеграмму от Владимира Ильича с сообщением, что мне выслано важное письмо, получение которого он просит подтвердить по телеграфу. Для меня через три получаю по почте книгу из Швейцарии. Я догадался, что в переплете найду письмо Ильича. Так и оказалось. Я нашел маленькую записку Ильича и... его фотографию. В записке было написано приблизительно следующее: «Ждать больше нельзя, тшкетны все надежды на легальный приезд. Необходимо во что бы то ни стало немедленно выбраться в Россию и единственный план — следующий: найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемым. Посылаю вам на всякий случай мою фотографию».

Прочтя записку, я почувствовал, как томится Владимир Ильич, но сознаюсь, очень хохотал над этим

фантастическим планом. Только отчаяние могло создать подобный план... Да зачем была фотография? Владимира Ильича я знал с 1903 г. Мы весьма часто встречались, а два года под-ряд до войны жили в одном городе, в Кракове... Однако присланная фотография была сейчас же использована. Через два дня она красовалась в ежедневной газете левых шведских социал-демократов «Politiken», а под ней передовица, написанная Воровским: «Вождь русской революции»*...

А пока в швейцарской колонии шли горячие дебаты — можно ли ехать через Германию и на каких условиях.

5 апреля я получаю телеграмму из Питера, в которой сказано:

«Ульянов должен приехать немедленно. Все эмигранты приезжают свободно. Для Ульянова имеется специальное разрешение». А на следующий день, 6-го, получил иную телеграмму:

«Не форсируйте приезда Владимира. Избегайте риска».

Когда оказались напрасны все надежды на помощь Временного правительства обеспечить проезд через Англию, швейцарские эмигранты решили приступить к переговорам с германским правительством. Переговоры вел швейцарский товарищ Платтен. Выработанные всей эмигрантской колонией условия были приняты германским правительством.

Условия эти были следующие:

1) Едут все эмигранты, без различия взглядов на войну.

2) Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности, никто не имеет права входить в вагон без разрешения т. Платтена. Никакого контроля, — ни паспортов, ни багажа.

3) Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных.

Несмотря на эти условия, меньшевики, хотя и сами приняли, не решались выехать. Они все ждали благословения на поездку от Совета депутатов.

6 апреля я получаю от Владимира Ильича из Берна следующую телеграмму:

* «Politiken» № 80, 6 апреля 1917 г. *Ред.*

«У нас непонятная задержка. Большевики требуют санкции Совета Рабочих Депутатов. Пошлите немедленно в Финляндию или Петроград кого-нибудь договориться с Чхеидзе насколько это возможно. Желательно мнение Беленина. Телеграфируйте Народный Дом Берн.

Ульянов»*.

Но не дожидаясь ответа, Владимир Ильич 7 апреля прислал мне следующую срочную телеграмму:

«Завтра уезжает 20 человек. Линдхаген и Стрем** пусть обязательно ожидают в Треллеборге***. Закажите срочно Беленина, Каменева в Финляндию.

Ульянов»****.

Перед эмигрантским комитетом я держал эту телеграмму в тайне. Сообщить о поездке Ленина можно уже после того, как он будет в пределах Швеции.

Я решил съездить в Мальмэ (оттуда час езды до порта*Треллеборг).

Весь день, взволнованный, бродил я по Мальмэ... «Приедут ли? Не причинят ли им немцы по дороге каких-нибудь пакостей?» Мысли эти сильно тревожили меня... Наконец, под вечер едем в Треллеборг с одним местным товарищем... Пароход приближается к берегу... Но какая досада, — ни Ильича, ни других нет...

Высчитал ли я плохо день приезда, или что-нибудь случилось с ним в пути... Выяснить ничего нельзя, приходится ждать следующего дня.

Едем обратно в Мальмэ. Медленно тянется ночь, еще медленнее следующий день... Опять еду в Треллеборг... Но пароход опять не привозит наших путешественников.

Еду обратно в Мальмэ. За ночь придумываю всякие планы для выяснения. Утром звоню по телефону жене в Стокгольм, — там никаких сведений. Даю срочную телеграмму в Швейцарию — никакого ответа. То-

* Сочинения, т. XXIX, стр. 354. Телеграмма написана на немецком языке. *Ред.*

** Оба — шведские социал-демократы, члены парламента. *Я. Г.*

*** Шведский порт, а на другой стороне — германский Засниг. *Я. Г.*

**** «Ленинский сборник» II, стр. 394. *Ред.*

варища шведа оставляю в Мальме, где он должен ждать моего телефонного звонка, а сам в третий раз еду в Треллеборг.

На мое предложение дать телеграмму в Засниц, начальник станции объясняет, что пароход оттуда ушел уже...

— Нельзя ли дать радио на пароход? — спрашиваю я.

— Можно, но принимаются лишь служебные телеграммы.

Заметив на станции объявление царского Красного Креста, я разъясняю начальнику, что я командирован Красным крестом принять партию эмигрантов, а потому прошу запросить капитана, едет ли эта партия, сколько мужчин, женщин и детей, дабы я мог заблаговременно заказать места в вагоне. Мне удалось убедить начальника, и он дает капитану телеграмму:

«Г-н Ганецкий спрашивает, едет ли г-н Ульянов, сколько с ним мужчин, женщин и детей».

Минут через 20 получается ответ:

«Г-н Ульянов приветствует г-на Ганецкого и просит его заготовить билеты».

В телеграмме указывается при этом количество каждого пола.

Я ожил. Начальник не понимает перемены во мне. Первым делом бросаюсь к телефону, сообщаю товарищу в Мальме о приезде и прошу закрепить заказанный условно вагон в Стокгольм, а также ужин в ближайшем возле вокзала ресторане. Переговорил с женой по телефону и просил исполнить оставленный план относительно гостиниц и тому подобного. Жена, между прочим, сообщает о полученной от Ленина телеграмме из Засница от 13 апреля:

«Сегодня 6 часов Треллеборг»*.

Заказываю билеты до Мальме и предупреждаю таможенные власти, что приезжает партия эмигрантов... Я прямо в исступлении. Начинаю агитировать таможенников в пользу нашей революции. Объясняю значение ее и роль в ней Ленина. Чиновники слушают внимательно, обещают вещей не осматривать, просят лишь... показать им Ленина...

* «Ленинский сборник» II, стр. 467. Ред.

Вот приближается пароход. Эти несколько минут показались мне вечностью... Наконец, он причаливает. Постепенно появляются фигуры Сладмира Ильича, Надежды Константиновны и многих знакомых товарищей... Тут же и Радек. Рассчитывая на добросовестное исполнение немцами наших условий о неосмотре паспортов, он решил воспользоваться и «нелегально» пробраться в Россию. (Радек был австрийским подданым).

Горячие приветствия, вопросы, света, крик ребят. У меня от радости слезы на глазах... Минуты нельзя терять, — через четверть часа идет поезд в Мальме. Таможенники багажа не осматривают, просят лишь исполнить обещание и показать им вождя революции...

Мы сидим уже в вагоне. Радек со свойственным ему юмором рассказывает, в каких условиях они получили мою телеграмму на пароходе.

Дело в том, что шведы во время войны ввели для всех въезжающих в Швецию детальнейшие, скучнейшие анкеты. Владимиру Ильичу преподносят в каюту сию бумажку. Ильич переговорил с товарищами — анкеты уже у всех на руках. Что сие обозначает? И тут Владимир Ильич приходит к заключению, что немцы надули: сами пропустили, но сообщили шведской полиции — и та теперь возьмется... Создается тут же «военный совет». Как быть? Написать ли Ильичу настоящую фамилию, или фиктивную... Вдруг появляется с бумажкой в руке капитан и спрашивает, кто из них г. Ульянов... Ильич не сомневается, что его предположение оказалось правильным и его пришли задерживать. Скрывать уже нечего, в море не выскочишь. Владимир Ильич называет себя. Тут капитан сообщает текст моей телеграммы...

Мы уже в Мальме. Товарищ-швед ждет нас... Вблизи вокзала заготовлен великолепный ужин. Усталая от четырехдневной поездки, проголодавшаяся эмигрантская братия с жадностью бросается на шведские сморгосы (закуски). Один из товарищей замечает: «Теперь я верю, что в России революция, раз эмигрантов можно так угощать...»

Специальный вагон подан. Через 15 минут мы уже катим в Стокгольм. В отдельном купе усажены Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ближайшие

товарищи. Беседа затянулась до поздней ночи. Владимир Ильич все расспрашивал о последних сведениях из России. Он указывал на предстоящую упорную борьбу пролетариата, на перспективы развивающейся революции, форму, которую она должна принять. Он указывал на опасность, угрожающую со стороны Керенского, хотя последний особенной роли тогда еще не играл. Владимир Ильич указывал на необходимость оставления за границей партийной ячейки для сношений между партией в России и внешним миром и вообще «на всякий случай». Намечается создание заграничного бюро ЦК партии в составе тт. Воровского, Радека и меня... Лишь в 4 часа утра удалось нам уговорить Владимира Ильича поспать немножко.

В 8 часов утра, не доезжая до Стокгольма, на какой-то станции в вагон нагрнулая целая ватага стокгольмских корреспондентов, получивших телеграфное сообщение от своих коллег из Мальмэ о приезде Ленина. Владимир Ильич их не принял. Им ответили, что в Стокгольме будет дано сообщение для прессы...

В 9 часов мы уже в Стокгольме. На станции делают кинематографические снимки, и Владимиру Ильичу никак не удается пройти незамеченным...

Весь день Владимир Ильич и минуты не отдохнул. Он и слушать не хотел, чтобы отдохнуть в Стокгольме хотя бы один день... Каждая минута для него дорога. Он все суетился, опасаясь забыть что-нибудь. Вот собрание приехавших (они принадлежат к разным партиям, — большевики, меньшевики, эсеры, бундовцы, анархисты)... Составляется и подписывается всеми точный протокол о поездке... Идет организация заграничного бюро. Владимир Ильич оставляет нам детальные инструкции. Он спешит закупить последние новинки — книги и подбирает еще кое-какие партийные материалы.

Не успели мы оглянуться, как уж надо ехать к поезду. Снова вокзал, сутолока, шум, гам, крик и плач ребят. Владимир Ильич о всех заботится, спрашивает, хорошо ли устроены товарищи, особенно заботится о детях. Поезд движется... С затеанным дыханием шлем мы великому вождю последние приветствия и думем: «Он направит революцию на правильные рельсы...»

Вечером, в воскресенье, 16 (3) апреля Владимира Ильича уже восторженно приветствует на вокзале в Пи-

тере необъятная масса рабочих. Возбравшись на бровник, он произносит свою знаменитую речь, доказывая, что борьба должна вестись под лозунгом: «Вся власть Советам».

Как хорошо прошел этот день вместе с Лениным! При нем человек как-то особенно оживал, чувствовал наплыв свежих сил и особенной энергии. Тянуло с ним вместе в Питер. Но вождь приказал остаться — и пришлось подчиниться... * * *

С эмигрантским комитетом мы никаких отношений не поддерживали. Это были люди, близко стоявшие к меньшевикам, бундовцам, частично к эсерам. Все это была публика, в лучшем случае пацифистски настроенная. Все они головой стояли за Временное правительство, готовы были защищать его до последней капли крови... только не своей. К ним примкнуло не мало дельцов, которые не прочь были воспользоваться падением царизма для того, чтобы при новых хозяевах хорошо заработать.

Среди местных социал-демократов, даже «левых», настоящего большевистского подхода к разрешению важнейших проблем русской революции не было. Правда, на словах они как будто бы соглашались с большевиками, но их постоянно смущала «крутая линия», намеченная большевиками.

В Стокгольме была небольшая горсточка русских рабочих большевиков. С ними мы довольно часто встречались. Все они позднее переехали в Россию.

Стокгольм с начала войны стал довольно крупным политическим центром, куда стекалась всякая политическая информация. После Февраля он особенно выдвинулся в этом смысле. Сюда съехалось много газетных корреспондентов, как в город, ближе расположенный к охваченной пожаром России. Усилились в Стокгольме и шпионские гнезда всех воюющих стран.

Наше «Заграничное бюро Центрального комитета» приступило к изданию бюллетеня для информации заграничных рабочих о ходе и развитии русской революции, а главным образом о задачах революции, поставленных Лениным и всей большевистской партией.

В мае выпустили мы первый номер нашего бюллетеня

под названием «Русская Корреспонденция — Правда». Бюллетень выпускался на пишущей машинке два раза в неделю. Помимо богатейшего информационного материала, каждый номер помещал статьи принципиального характера. Все статьи Ленина, появляющиеся в петроградской «Правде», перепечатывались в нашей «Корреспонденции». «Корреспонденция» издавалась на немецком языке.

Первый номер сейчас же возбудил повсюду большой интерес. Большинство зарубежных газет стало выписывать нашу «Корреспонденцию», и ее материал широко использовался.

Вели мы свое издание на «хозрасчете». Оно самоокупалось, так как проводили мы строжайшую экономию.

Я поселился за городом, Радек переехал к нам. Наш дом стал опасным «большевистским очагом». Писали в «Корреспонденцию» главным образом Радек, потом Ворковский. Переводы на немецкий язык делала моя жена. Она же переписывала на машинке и печатала на ротаторе: приехавшая впоследствии жена Радека помогала ей. Заботы организационно-технического и финансового порядка взяла я на себя.

Вскоре спрос на нашу «Корреспонденцию» так усилился, что мы решили перейти на печатный орган. С 15 сентября мы стали издавать печатный еженедельник — «Вестник Русской Революции»...

По мере развертывания событий в России стали все больше обостряться отношения между большевиками и другими партиями. Это немедленно получило отражение и на наших взаимоотношениях в Стокгольме.

За это время появился на нашем горизонте некий меньшевик Вайнберг, специально присланный Советом рабочих депутатов для издания бюллетеня. Он трагично колоссальные средства, завел целый штат дорого оплачиваемых сотрудников. Но у него ничего не вышло. Бюллетень его был бездарным, безжизненным. Хотя буржуазная заграничная пресса политически ближе была к позиции бюллетеня Вайнберга, она им почти не пользовалась.

Вайнберг, естественно, старался нас повсюду «дискредитировать», мешал нам. В этом усилленно помогал ему, а фактически руководил им Розанов, один из старейших столпов меньшевизма.

Вначале между нами были установлены дипломатические добрососедские отношения. Розанов как член ЦИК'а советов и «делегат Всероссийского съезда советов» пользовался большим уважением посла, который считал своим долгом в известной мере подчиняться Розанову. При посредстве Розанова мы получили право в дипломатической почте посольства посылать наши пакеты в Питер запечатанными, без просмотра; в таком же порядке мы получали оттуда нашу обильную почту.

С течением времени наши «добрые» отношения стали портиться. Особенный поворот в этих отношениях произошел после июльских дней.

Розанов ни на минуту не верил во вранье Керенского, что Ленин является агентом германского генерального штаба, а Ганецкий его помощником. Розанов знал меня лично хорошо и даже дал нам официальное заявление, доказывающее необоснованное обвинение против меня. Но он охотно бы помешал большевикам в их «разлагающей и вредной работе».

После июльских дней он стал колебаться и не знал, принимать ли от нас запечатанные пакеты для ЦК в Петроград. Наконец он согласился принимать их, но с условием, что они будут предварительно в посольстве просматриваться. На это мы не согласились и таким образом лишились дипломатической почты.

Вскоре вышел новый, весьма курьезный, инцидент с Розановым.

Несмотря на то, что у нас временно прекратилась связь с Петроградом, наша «Корреспонденция» не переставала быть актуальной. Дело в том, что мы получали ежедневно выходящую в Гельсингфорсе (Финляндия) большевистскую газету «Волна». «Волна» была хорошо поставлена и давала богатую информацию. Она приходила к нам на третий день и довольно аккуратно, в то время как петроградские газеты — чуть ли не на пятый день и часто терялись. Так как петроградская информация передавалась в «Волну» по телефону, то мы на два дня раньше других получали газетные сведения из Питера. Мы, понятно, скрывали свой тайный источник, а меньшевики все бились над загадкой — откуда у нас такие точные сведения.

Однажды, получив № 79 «Волны» от 19 июля 1917 г., мы прочли в нем шифрованную телеграмму Временного

правительства, посланную командующему Балтийским флотом. Гельсингфорские большевики благодаря своим связям получили ее и опубликовали в «Волне». Мы не замедлили напечатать ее в ближайшем номере нашей «Корреспонденции».

Вот эта телеграмма:

«ЮЗОГРАММА

помощника морского министра капитана 1-го ранга Дудорова Командующему Балтийским Флотом.

Принята 4/VII—17 г. 19 ч. 00 м.

КОМФЛОТ

Гельсингфорс. Секретно.

Временное правительство, по соглашению с Исполнительным Комитетом, приказывает: немедленно прислать «Победитель», «Забияку», «Гром» и «Орфей» в Петроград, где им войти в Неву. Ити полным ходом. Посылку покуда держать в секрете: если кто из миноносцев не может быстро выйти, не задерживать других. Начальнику дивизиона по приходе явиться ко мне. Временно [на эти суда] возлагается [обязанность оказать], если потребуется, противодействие прибывшим кронштадтцам. Если по Вашим соображениям указанные миноносцы прислать совершенно невозможно, замените их другим дивизионом, наиболее надежным. № 8294 Дудоров.

Временное правительство, по соглашению с Исполнительным комитетом СР и СД, приказывает принять меры к тому, чтобы ни один корабль без Вашего на то приказания не мог ити в Кронштадт. Предлагаю не останавливаться даже перед потоплением такого корабля подводной лодкой, для чего полагаю необходимым подводным лодкам занять заблаговременно позицию. № 8295 Дудоров».

Еще до появления нового номера «Корреспонденции» Радек встретил Розанова, сообщил ему о полученном нами секретном распоряжении Временного правительства направить военные суда против большевиков, а в случае бунта на судах — топить их. Радек, естественно, не прибавил, что этот «секрет» опубликован уже в русской газете. Розанов волновался, угрожая и прислав нам следующее письмо:

«Представителям фракции большевиков в Стокгольме.

В частном разговоре со мною вчера, 23 июля, товарищ Радек сообщил, что в его руках находится телеграмма Керенского, отправленная в зашифрованном виде в команды Балтийского флота, там полученная, расшифрованная и переданная в Стокгольм для опубликования.

Подобное действие как со стороны лиц, переславших телеграмму, так и со стороны публикующих ее или распространяющих ее содержание иным образом, является уголовным преступлением и объективно, вне зависимости от намерений распространителей, может быть услугой военной разведке Германии.

Настоящим письмом я подтверждаю заявленный мною устно тов. Ганецкому решительный протест против опубликования этой телеграммы.

Член Центр Исполн. Комит. Сов. Раб. и
Солд. Деп. и Делегат Всероссийск. Съезда Советов
В. Л. Розанов.

Стокгольм, 24-го июля».

«Решительный протест» ставленника Временного правительства Розанова нас несколько не смутил. Когда мы получили новый номер «Волны» с опубликованным телеграфным ответом на указанное выше распоряжение Временного правительства, то мы его тоже поместили в нашу «Корреспонденцию».

Ответ этот характеризует настроение в Балтийском флоте и указывает, как сильно в нем было влияние большевиков. Мы поэтому его приводим здесь*.

«17-го июля. 21 час 10 минут. Генмор Коперангу Дудорову.

Вашего приказа не могу выполнить. Если вы на нем настаиваете, прошу сообщить, кому передать командование флотом. Причины сообщу дополнительно шифром. № 4082. Комфлот».

Шифрованная телеграмма Вердеревского гласила:

«После восстановления порядка, я, понятно, явля-

* Соответствующего номера «Волны» у меня нет и я привожу эту телеграмму по переводу из «Корреспонденции» № 13 от 28 июля 1917 г. Я. Г.

юсь руководителем только по оперативной линии. Отправка миноносцев в Неву является в данном случае политическим актом. Каждое политическое решение может быть принято мною лишь с согласия Центрального Комитета флота. После тайного обсуждения вашей телеграммы, сообщая вам: отправка миноносцев в Неву превращает флот в орудие политической борьбы и отдаляет его от его боевых задач. До настоящего времени все мои усилия и усилия ЦК флота были направлены к поднятию боеспособности флота. Требуемая отправка кораблей повлечет за собой раскол флота, ослабит его боеспособность. Поэтому ЦК против этого, и я с ним согласен. ЦК и я стремимся держать флот в стороне от гражданской войны, и никто не имеет права вовлекать его в нее. № 2211 Комфлот».

Связь с ЦК партии нам удалось вновь установить. Почти ежедневно приходили специальные телеграфные сводки. Получали мы и обширные письма.

Получили мы также интересное письмо от Ленина из его финляндского подполья. К величайшему сожалению, письмо это затерялось. В нем Ленин, между прочим, давал указания, чтобы мы за границей собирали материал и на основании его и полученных из России сведений разоблачали гнусные обвинения Керенского и К^о. Предвидя, что я захочу поехать в Петроград для разоблачения клеветников и мошенников, он категорически возражал против этого: после возвращения моего в Россию, если меня по пути не расстреляют, то в лучшем случае забросят в тюрьму и никаких разоблачений делать не дадут...

Мы собирали материал, в каждом номере разоблачали клеветников и разъясняли, куда летит Керенский и К^о.

Тесный контакт с Питером дал нам возможность быть в курсе всего положения. Правда, из-за конспиративных условий нам не сообщали о готовящемся в ближайшие дни захвате власти, но мы уже сами об этом знали. Волнуясь, мы гадали: сегодня или завтра?

В ночь на 7 ноября мы бодрствовали и лихорадочно ожидали сведений. В 6 часов утра шведский товарищ по телефону сообщил: «Большевики захватили власть. Смольный, Зимний, Генеральный Штаб и телефон в их руках. Рабочие, гарнизон Питера на стороне больше-

виков. Переворот прошел почти бескровно. Керенский бежал, другие министры арестованы».

Днем прибывают новые телеграммы: «Во главе правительства стал Ленин... Имеется декларация нового правительства... Национализация фабрик, конфискация помещичьих земель...»

Но вдруг оборвались всякие сведения. Телеграф из Питера ничего не давал в течение нескольких дней. Приходили «специальные телеграммы» то из Англии, то из Гапаранды и Торнео (пограничные пункты между Швецией и Финляндией), сообщющие из «достоверных источников» об аресте Ленина и др., о поражении большевиков, о «введении полного порядка».

Мы были в отчаянии. Этим нелепым телеграммам мы не верили. Опровергнуть их не могли, так как никаких сведений у нас не было.

Было решено меня отправить на шведскую границу в Гапаранду для установления связи с Гельсингфорсом и Петроградом.

Граница оказалась в руках советских отрядов.

В Торнео товарищи хотели было нас задержать на весь день, но мы — Радек и я — спешили в Питер. К вечеру был организован поезд, и мы через два дня очутились в Петрограде. Прямо с поезда направились мы в Смольный, в кабинет Ильича...

ПЕРВЫЕ ШАГИ*

В первые дни Октябрьского переворота поехал я из Стокгольма вместе с т. Радеком в Петроград. Основной нашей задачей было наладить связь между Петроградом и оставшимся в Стокгольме т. Воровским, который должен был информировать весь заграничный мир о революции в России...

Прямо с пьезда зашли мы в Смольный к Ленину. Ленин вполне одобрил наши требования, но предложил нам самим заняться этим, так как все заняты по горло другими делами...

Я решил ознакомиться с организацией нашей красной дипломатии. Но этой организации не было, не было абсолютно никакого аппарата. Мне рассказывали, что после переворота некоторые товарищи бросились к зданию мининдела, чтобы взять оттуда «тайные договоры». Оказалось, однако, что секретные документы занимают десятки огромных несгораемых шкафов. Товарищи ушли без «тайных договоров» и больше в министерство не заходили.

Узнав от Владимира Ильича, что он не получил нашего пакета, посланного диппочтой, я направился в министерство иностранных дел. Ни одного работника во всем здании не нашел. Курьер, охранявший комнату с диппочтой, сказал: «Старые чиновники улетучились, а новые еще не появились».

Сопутствовавшие мне два товарища — матросы — заставили живущего в здании министерства чиновника, ведающего диппочтой, вскрыть комнату. Здесь я нашел спокойно лежащий три недели наш «срочный пакет» для Ленина. Там же лежали неразобранные дипломатические пакеты для Временного правительства. Мы заперли двери, ключ взяли с собой, наложили печать.

Через несколько дней я встретил т. Залкинда, и он рассказал мне, что заезжает ежедневно на один-два часа в министерство, но там нечего делать, да и нет

еще ни одного сотрудника. Приходится лишь иной раз принимать кого-либо из оставшихся в Питере дипломатов.

За границей у нас тогда ни одного посла не было. По нашему с Радеком предложению назначили послом т. Воровского. Это был единственный наш посол на весь мир. Шведское правительство официально не признало его, но не возражало, чтобы он фактически исполнял обязанности посла. Мы не хотели применять старого титула «посол». По предложению Воровского «посол» был переименован в «полномочного представителя». Это название сохранилось и по сие время.

Наше красное министерство не имело еще разработанного шифра. Хорошо, что перед моим отъездом мы были настолько предусмотрительны, что составили с т. Воровским на всякий случай шифр. Воровский никак не хотел согласиться на предложенную мною систему шифра еще с моих подпольных времен, хотя я доказывал ему, что департамент полиции не в состоянии был расшифровать эти цифры.

Только постепенно стала организовываться наша красная дипломатия, наш Народный комиссариат по иностранным делам с разветвленной сетью полномочных представительств.

С самого начала создания Наркоиндела Ленин до последних дней своей жизни непосредственно давал направление советской дипломатии. Этой важнейшей отрасли работы Ленина необходимо посвятить особый, тщательно проработанный труд...

Ошибочным было бы предполагать, что председатель Совета народных комиссаров был в «привилегированном» положении, что он давал только направление делу, распоряжение, а исполнение возлагалось на других. Не было такой области работы, таких вопросов, которыми Ленину не приходилось бы лично заниматься. Стоит хотя бы для примера познакомиться с перепиской того времени между Лениным и Воровским — и получится довольно яркая картина.

Воровский почти по всем без исключения вопросам обращался к Ленину.

Вот он телеграфирует Ленину, что имеется возможность закупки датских семян и просит Ленина заняться этим.

* «Известия ЦИО» № 256, 6—7 ноября 1927 г.

В другой телеграмме он жалуется, что революционный комитет в Архангельске реквизирует груз одной заграничной фирмы, которой Ленин дал разрешение на вывоз, и просит принять меры против подобного дезавуирования...

В Гельсингфорсе реквизировали 8 тысяч пудов смазочного масла, направляемого для шведского правительства, и Воровский просит Ленина принять меры к доставке новой партии...

А вот некоторые телеграммы, которые посылал Ленин Воровскому.

26 февраля 1918 г. он телеграфирует:

«Получаете ли все наши телеграммы. Знаете ли немецкие условия и то, что мы их приняли. Сообщайте ежедневно телеграфом, какие вести у Вас и из заграничной печати. Ленин».*

Весьма характерна следующая телеграмма тоже от февраля:

«Стокгольм — Воровскому. Срочно подыщите и пришлите сюда трех бухгалтеров высокой квалификации для работы по реформе банков. Знание русского языка обязательно. Оплату установите сами, сообразуясь с местными условиями.

Ленин».

В ноябре 1918 г., в связи с революцией в Германии, Ленин посылает следующие телеграммы Воровскому, обе от 10 ноября 1918 г.:

«Сегодня получены из Германии известия о победе революции в Германии. Сначала Киль сообщил по радио, что власть перешла в руки Совета рабочих и матросов, потом Берлин сообщил следующее: «Привет, свобода, мир всем. Берлин и окрестности в руках Совета рабочих и солдатских депутатов».

Немецкие солдаты арестовали на фронте мирную делегацию старого германского правительства и сами начали переговоры о мире с французскими солдатами.

Председатель Совнаркома Ленин**.

И следующая телеграмма, посланная одновременно всем пограничным совдепам: «По последним сведениям,

германские солдаты арестовали поехавшую для переговоров о перемирии делегацию немецких генералов. Германские солдаты вступили в непосредственные переговоры с французскими солдатами. Кайзер Вильгельм отрекся от престола. Канцлер принц Баденский подал в отставку. Новым канцлером будет правительственный социал-демократ Эберт. Во всех крупных городах Южной Германии всеобщая забастовка. Весь германский флот на стороне революции. В руках революционного флота все германские гавани Северного и Балтийского морей. Мы получили от Кильского Совета солдатских депутатов радиотелеграмму, адресованную интернациональному пролетариату, о том, что красное знамя веет над германским флотом и сегодня будут происходить похороны павших за свободу. Очень вероятно, что все это будет скрыто от германских солдат на восточном фронте — Украине. Всеми находящимися в вашем распоряжении средствами доведите эти факты до сведения германских солдат.

Ленин».

* «Ленинский сборник» XI, стр. 57. *Ред.*

** Сочинения, т. XXIX, стр. 516. *Ред.*

* Сочинения, т. XXIX, стр. 517. *Ред.*

ЗАПИСКИ ЛЕНИНА *

Ленина надо изучать не только по его сочинениям, статьям, выступлениям. Для Ленина характерны также его бесчисленные коротенькие собственноручные записки, которые он в громадном количестве направлял целому ряду товарищей и которые, к сожалению, не все еще сданы в Институт Ленина. Эти записки особенно рельефно рисуют фигуру Ленина, они дополняют его характеристику и заставляют еще больше любить и ценить этого гения пролетариата...

Недостаточно писать только об уме Владимира Ильича. Почему мы мало пишем о его редкой, обаятельной чуткости, о его беспримерном товарищеском отношении?

Ленин был человеком с большой душой, преисполненной любовью к маленьким, незаметным труженикам, о которых обычно забывают — не до них, мол, — когда приходится решать большой важности вопросы в порядке государственных заданий! Можно представить много примеров, характеризующих Владимира Ильича, как исключительно хорошего товарища, относящегося к окружающим его ответственным работникам, старым партийцам, с чуткой внимательностью...

Весьма требовательный при исполнении работы, подчеркивая всякие ошибки и пробелы, настаивая на величайшей экономии времени и средств, Владимир Ильич одновременно относился к окружающим искренно и глубоко по-товарищески. Особенно заботился Владимир Ильич о старых партийцах, истощенных жизнью в эмиграции, в ссылке, на каторге. Считаясь с шепетильностью многих, Владимир Ильич старался окольными путями выяснить положение нуждающегося и осторожно, незаметно приходил им на помощь. И многие товарищи в минуту трудную обращались за советом и помощью к Владимиру Ильичу не как к «власть

* «Правда» № 35, 13 февраля 1924 г.

имущему», а именно как к прекрасному человеку и чуткому товарищу.

Таким был Владимир Ильич в старые подпольные времена, таким он остался и после Октября...

Вот коротенькое письмо Ленина ко мне в Стокгольм из Цюриха от 22 марта 1917 г. Кто не помнит, как Ленин горел тогда пламенным желанием поскорее добраться в Россию, получать побольше и почаще сведения из революционного штаба и быстрее посылать свои советы и указания! Это коротенькое письмо горит огнем, оно вместе с тем характеризует точность и четкость Ленина. Не менее характерна форма обращения к товарищу: мягкая, теплая просьба, хотя вполне понятен был бы решительный приказ. Письмо из-за конспирации и для отвода глаз написано по-немецки и осторожно:

«22/III. 1917 г. [Цюрих]. Дорогой друг! Я только что отослал ускоренной почтой два письма со статьями для Петроградской «Правды» в Христианию (Виднес. «Социал-демократ» для Коллонтай). Я надеюсь, что оба письма застанут Коллонтай в Христиании, до ее отъезда (он уезжает 27. III, утром). Если же нет, прошу Вас, будьте так добры, во-первых, проверить, хорошо-ли работает в Христиании аппарат пересылки; во-вторых, если надо, перешлите все сами. Я пользуюсь лишь одним петроградским адресом: Издательство «Жизнь и Знание», г-ну Влад. Бонч-Бруевичу, Фонтанка, 38, кв. 19. Петроград. Этот издатель тотчас передает «Правде».

Я надеюсь, что Вы немедленно будете посылать мне «Правду» и в с е другое в таком же роде, не правда-ли? Прошу телеграфировать мне немедленно по получении этого письма: «письмо получил, обеспечил пересылку».

Привет, рукопожатие и поздравления!

Ваш *Вл. Ульянов.*

Р. С. Очень и очень прошу Вас об информации*.

Никто так чутко не относился к товарищам, как Ленин. Его необычайная перегруженность редко мешала ему принять обращавшихся к нему товарищей, выслушать их, поговорить с ними. Ни одного письменного запроса он не оставлял без ответа.

* «Ленинский сборник» XIII, стр. 253-259. *Ред*

В сентябре 1919 г. (к сожалению, число не отмечено) мне нужно было по важному делу переговорить с Владимиром Ильичем. Было уже поздно, второй час ночи, шло заседание Совета обороны. Посылаю на заседании Владимиру Ильичу записку с просьбой после заседания принять меня на одну минуту по важному делу. Тут же получаю от него следующий ответ: «Я очень устал, но если очень важно, на 1 минуту согласен. Заседание кончится едва-ли раньше, чем через 1/2 часа. Ленин» *.

В другом случае, когда я не хотел воспользоваться предоставленным мне отпуском, я получил следующую записку от Владимира Ильича:

«Отпуск обязателен: по-моему, таков смысл решения Политбюро. Казенное имущество надо беречь. Все говорили и ссылались на факты, что Вы переутомились».

Почему бы не отдохнуть? Привет. Ленин».

В другом случае как-то строго отнеслись к проступку одного товарища. Я был тогда полпредом в Риге и узнал о случившемся после приезда в Москву, но уже после моего посещения Владимира Ильича. Перед самым отъездом я написал Владимиру Ильичу письмо и в постскрипуме указал на тяжелое настроение этого товарища. Владимир Ильич был в это время на заседании Совнаркома. Желая, очевидно, подбодрить, успокоить этого товарища, он тут же, на заседании, написал мне несколько слов для передачи по телефону из опасения, что я уеду. Вот текст этой записки (от 9 февраля 1921 г.):

«Ганецкому по телефону. Насчет вашего постскрипума помочь ничем не могу, ибо кроме партсъезда никто не может изменить решения. Советую Вам рекомендовать данному товарищу терпение. Надо выждать. Необходимо выждать и не волноваться чрезмерно. 9/II 7 час. 20 мин. вечера Ленин».

Вот еще один пример. Во время моего полпредства в Риге я получаю от Владимира Ильича следующую записку:

«25 апреля 1921 г.

Тов. Ганецкий! В Ригу к вам едут 2 мои секретарши:
1) Анна Петровна Кизас.

* «Ленинский сборник» XXVI, стр. 310. *Ред.*

и
2) Наталия Степановна Лепешинская...
Я обеих знаю по работе уже несколько лет. Преданность удивительная. Работа у меня каторжная; ни отдыха, ни праздника. Измаялись. Надо им дать отдых. Прошу Вас дать им вперед жалованье (и побольше) и затем не спрашивать с них работы. Пусть полечатся, отдохнут, подкормятся».

Привет! Ваш Ленин» *.

Комментарии излишни. Скажу лишь, что за то лето послано было в Ригу, в дом отдыха, много товарищей. Но никто из них не привез мне от своего «начальства» подобной записки...

В январе 1922 г. внезапно скончался от разрыва сердца один из товарищей, которого Владимир Ильич весьма ценил. Я просил Лидию Александровну Фотиеву осторожно сообщить об этом Владимиру Ильичу. Узнав, он немедленно послал следующую телефонограмму Каменеву:

«Тов. Каменеву

Копии: Бухарину

Н. П. Горбунову

Сейчас только узнал о смерти ***. Говорят, от паралича сердца. Я очень боюсь, почти уверен, что виновна тут наша безалаберность, потому что он был человек крайне болезненный, а позаботиться мы совершенно не сумели. Очень прошу распорядиться: 1) чтобы с похоронами сделано было как следует (удобно ли через Московский Совет или через Наркоминдел); 2) затем надо позаботиться о его жене, которая, вероятно, абсолютно без средств и которая, как мне известно, совершенно беспомощна и неприспособлена к русской теперешней жизни; 3) надо бы также, чтобы в печати дали некролог. Очевидно, эмиграция и наша русская безалаберность свели его в могилу. Мы теряем ценных работников совершенно непростительным образом.
Ленин».

Довольно! Материалов достаточно. Многому на них могут поучиться молодые и не малому старые...

* «Ленинский сборник» XX, стр. 355—356. *Ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Предисловие</i>	3
Гениальный ум и кристально чистое сердце	5
Ленин накануне империалистической войны	8
Ленин в галицийской тюрьме	16
В поисках архивов Ленина	39
От Февраля к Октябрю	53
Первые шаги	72
Записки Ленина	76

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Тюрьма в Новом Тарге, в которой был заключен Владимир Ильич с 8 по 19 августа 1914 г.	19
Тюремная камера, в которой сидел Владимир Ильич	29

ОПЕЧАТКА

В нижней строке на 78 странице вместо XXVI
следует читать XXIV.

Зак. № 1232.

Подготовитель Э. И. КОГАН. Ответственный редактор М. И. ГЛЯССЕР. Техническая редакция: В. И. ИВАНОВ, И. ГАЛАКТИОНОВ.
Книга сдана в набор 5/XI 1932 г. Подписана к печати 25/XII 1932 г.
Партиздат № 1573/м. Тираж 50375. Ленгорлит № 32232. Зак. № 1232.
Формат бумаги 82 × 110 см. 5 печ. л. (143 100 тип. зн. в 1 б. л.) Бум. л. 1¹/₄.
Вышла в свет — декабрь 1933 г.